



ПОСЛЕДНЯЯ  
СКАЗИТЕЛЬНИЦА

ДОННА БАРБА ИГЕРА

**Донна Барба Игера**  
**Последняя сказительница**  
Серия «ТОП-Amazon.  
Молодежный фэнтези-бестселлер»

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69373243](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69373243)*  
*Последняя сказительница: Эксмо; М.; 2023*  
*ISBN 978-5-04-189008-7*

### **Аннотация**

Через несколько дней Земля погибнет. Что ты возьмёшь с собой, зная, что никогда не вернёшься? Что останется для тебя ценным и важным за миллиард километров от дома? Главная героиня этой книги Петра уверена, что наше самое большое богатство – это истории, наше прошлое, без которого невозможно будущее. Блестящее и захватывающее путешествие сквозь звёзды к тому, что делает нас людьми! К нашему собственному сердцу, которое порой трудно услышать, но так важно.

# Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвёртая	28
Глава пятая	40
Глава шестая	54
Глава седьмая	61
Глава восьмая	68
Глава девятая	72
Глава десятая	78
Глава одиннадцатая	86
Глава двенадцатая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95



# Донна Барба Игера

## Последняя сказительница

*Папе: спасибо за жизнь, полную рассказов,  
от самых первых сказок на ночь до ежедневных  
разговоров.*

Donna Barba Higuera

THE LAST CUENTISTA

Copyright © 2021 by Donna Barba Higuera

All rights reserved

© Соломахина В.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023



# Глава первая

Лита подбрасывает в костёр очередное сосновое полено.

К звёздному небу тянется душистый дым. Она усаживается рядом со мной на одеяло, и у неё щёлкают коленки. Приготовленная для меня кружка горячего какао с корицей на этот раз стоит нетронутая.

– Петра, возьмёшь в путешествие мой подарок. Я ведь не попаду к тебе на тринадцатилетие...

Лита тянется в карман свитера и достаёт серебряный кулон в виде солнца. В центре – плоский чёрный камень.

– Если посмотреть сквозь него на солнце, обсидиан светится.

Я принимаю подарок и поднимаю повыше, но солнца нет.

В небе только луна. Иногда я воображаю, что вижу то, чего на самом деле нет. Но уверена, что слабое свечение проникает через середину камня. Я верчу кулон туда-сюда. Отдвигаю подальше, и он совсем исчезает из поля зрения.

Когда я поднимаю глаза, Лита жестом показывает на такой же кулон на шее.

– Знаешь, – говорит она, – индейцы майя верят, что обсидиан обладает магией. Соединяет разлучённых.

Она поджимает губы, и тёмная кожа у носа морщится, как лопнувшая кора дерева.

– Не хочу лететь, – говорю я.

– Ничего не поделаешь, придётся, Петра.

Лита надолго отводит глаза, прежде чем снова заговорить.

– Детям с родителями лучше не разлучаться.

– Ты папина мать. Значит, он должен остаться с тобой. И все мы тоже.

Говоря это, я понимаю, что разнылась, как маленькая.

Лита тихонько смеётся.

– Я слишком стара для таких дальних путешествий. Но ты... *Dios mío*<sup>1</sup>, новая планета! С ума сойти!

У меня дрожит подбородок, и я утыкаюсь Лите головой в бок, обнимая за талию.

– Не хочу без тебя.

Она глубоко вздыхает.

Где-то в пустыне за домом Литы воет койот, созывая друзей. И, как по команде, кудахчут куры, блеет пугливая коза.

– Расскажу тебе сказку, – говорит она, начиная одну из небылиц.

Запрокинув головы, мы смотрим в ночное небо. Лита крепко обнимает меня, нас овеивает тёплым ветром пустыни. Я бы осталась тут навеки.

Она показывает на комету Галлея. Отсюда та не кажется такой опасной.

– *Nabía una vez*<sup>2</sup>, – начинает она рассказ, – юный огненный Змей, оборотень. Его матерью была Земля, а отцом –

---

<sup>1</sup> Боже мой (*исп.*).

<sup>2</sup> Жил-был однажды (*исп.*).

Солнце.

– Волшебный Змей? – спрашиваю я. – Но как у Солнца и Земли мог родиться наполовину человек, наполовину зверь...

– Тсс. Сказка же.

Она откашливается и берёт меня за руку.

– Огненный Змей рассердился. Мать Земля его вскормила и взрастила, а отец Солнце оставался в стороне. Отец приносил хорошие урожаи, но и насылал засуху и смерть. И однажды в жаркий день, когда Солнце нависло над оборотнем...

Лита машет рукой на небеса.

– ...он бросил отцу вызов. Хотя мать умоляла его остаться с ней навсегда, юный Огненный Змей ринулся к отцу.

Лита на мгновение умолкает. Остановившись, она держит меня в напряжении. И это действует.

– И что потом?

Она улыбается и продолжает:

– Огненный Змей с пылающим хвостом так разогнался, что снизить скорость уже не получалось. Но, приблизившись к Солнцу, понял ошибку. Пламя отца было сильнее и могущественнее всего во вселенной. Оборотень обогнул Солнце и хотел вернуться домой, но было слишком поздно. Отцовским огнём обожгло глаза, он ничего не видел.

Лита цокает языком.

– Pobrecito<sup>3</sup>, ослепший и летящий с огромной скоростью, он не сумел замедлить ход.

Она вздыхает. Дальше будет та часть во всех её рассказах, где она говорит как бы между прочим, словно мимоходом подсказывает, как пройти к булочной на углу.

– Итак, каждые семьдесят пять лет он повторяет путешествие, надеясь найти мать.

Она снова показывает на Огненного Змея.

– Подходит близко, чует мать, но никогда не обнимает.

– Но не в этот раз, – говорю я, чувствуя, как горит спина.

– Да, – отвечает она, сильнее притягивая меня к себе. –

Через несколько дней Огненный Змей наконец найдёт мать.

У colorín Colorado, este cuento se ha acabado<sup>4</sup>, – говорит она, заканчивая рассказ.

Я долго глажу её руку, запоминая морщинки.

– Кто рассказал тебе эту историю? Твоя бабушка?

Лита пожимает плечами.

– Частично она. Помню какие-то отрывки. Остальное я, наверное, придумала сама.

– Мне страшно, Лита, – шепчу я.

Она гладит меня по руке.

– Разве, слушая, ты не забыла про страхи?

Мне стыдно, и я молчу. Слушая историю, я забылась. Забыла обо всём: о том, что случится с Литой и остальными.

---

<sup>3</sup> Бедняга (*исп.*).

<sup>4</sup> Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец! (*исп.*)

– Не бойся, – говорит она.

– Я и не боюсь. Это всего лишь оборотень возвращается домой.

Я молча ищу в небе Огненного Змея.

– Я буду сказочницей. Как ты, Лита.

Она выпрямляется, садится, скрестив ноги, и смотрит на меня.

– Сказочницей, да. Это у тебя в крови.

Она наклоняется.

– Просто как я? Нет, *mija*<sup>5</sup>. Тебе нужно открыть, какая ты, и быть самой собой.

– А вдруг я испорчу твои истории? – спрашиваю я.

Лита хватает мой подбородок мягкой смуглой ладонью.

– Не бойся, это невозможно. Они сотни лет ходят по свету, перебивав до тебя у многих людей. Просто расскажи их своими словами – и они твои.

Я думаю о Лите, её матери и бабушке со стороны матери. Сколько они знали историй! Кто я такая, чтобы унаследовать их искусство?

Я сжимаю в руке кулон.

– Я никогда не забуду ни одного твоего рассказа, Лита.

– Знаешь, у планеты, на которую вы летите, тоже есть солнце или два.

Она касается ногтем своего кулона.

– Посмотри за меня, когда прилетите.

---

<sup>5</sup> Девочка моя (*исп.*).

У меня дёргается нижняя губа, и слёзы сами катятся по лицу.

– Просто не верится, что мы тебя бросаем.

Она вытирает с моей щеки слезу.

– Ничего подобного. Мы с тобой срослись навеки. Мне так повезло. Ты увезёшь меня вместе со сказками на новую планету на сотни лет в будущее.

Я целую её в щёку.

– Я не подведу. Обещаю.

Сжимая обсидиановый кулон, я думаю, увидит ли Лита Огненного Змея через дымчатое стекло, когда он воссоединится с матерью.

## Глава вторая

Переезд из Санта-Фе к стартовой площадке космического корабля в Национальном парке Сан-Хуан около Дуранго занимает меньше двух часов. Полчаса папа толкает речь, объясняя нам с Хавьером, что нужно перестать ссориться, быть добрее и трудолюбивее.

Сначала мне кажется странным, что правительство специально выбрало леса Колорадо, а не военную базу. Но когда вижу пустые дороги и километры густого леса, я понимаю. Здесь будут незаметны даже три огромных межзвёздных корабля, предназначенных для переселения с Земли.

Роскошные корабли сконструировали в корпорации «Плеяды», чтобы с комфортом перевезти богатых людей через галактику. Вдоль площадок для взлёта и посадки вертолётов я видела огромные рекламные плакаты интерьера корабля, похожего на пятизвёздочный отель.

Тёмно-фиолетовые люстры фирменного цвета корпорации освещали улыбающиеся лица актёров в нарядной одежде, державших бокалы с мартини и смотревших на воображаемую туманность. Голос человека, словно каждое утро полоскавшего горло маслом авокадо, говорил под фортепьяно: «Корпорация «Плеяды». В межзвёздное путешествие с комфортом! Роскошная жизнь среди звёзд для предприимчивой элиты».

Я размышляла о том, какие корабли сейчас. Люди с белозубыми улыбками на рекламных щитах были совсем не похожи на нас: учёных, специалистов по терраформированию планеты, руководителей, которые, по мнению правительства, заслужили право прожить дольше других. А каким образом в их ряды попала моя семья? Как эти политики выбирали? Что, если бы мама с папой оказались постарше? Сколько политиков пролезло без очереди?

Мне кажется несправедливым удирать с Земли, когда многие остаются.

Родители даже не знали, куда летим, вплоть до вчерашнего дня.

Папа говорит, что корабли «Плеяды» строили в огромном подземном помещении у старого аэропорта Денвера. Предполагалось, что они не покинут Землю ещё года два. Первые пробные полёты в космос оказались успешными, но поскольку с вылетом пришлось поспешить, это будет первое межзвёздное путешествие.

Если бы вспышка на Солнце неделю назад не сбила комету с курса, мы бы наблюдали, как через несколько дней Огненный Змей пройдёт мимо Земли, не причинив ей вреда, как это происходило с незапамятных времён.

Корабли будут стартовать со старой преобразованной базы спасателей за входом в Национальный парк. Я стараюсь не думать о том, что видела у входа. От базы нас с остальными пассажирами направляют в лес по тропе. Вслед за нами

собирается всё больше семей, они ожидают своей очереди сесть на корабль. Роща из осин и сосен пропускает солнечный свет, как грязный стеклянный витраж с пророком Ионой и китом в церкви. Над головой раздаётся внезапный гомон птенцов: я вздрагиваю.

Подняв глаза, вижу, как мамаша, деревенская ласточка, вспархивает с гнезда за кормом. Без неё чирикание смолкает. Мама-ласточка знать не знает, что все её хлопоты – напрасная трата времени. Я разглядываю крохотные головки, высунувшиеся по краю гнезда, и жалею их – такие они маленькие и незащищенные. Но потом понимаю, птицам, считай, повезло. Они даже не узнают, от чего погибли.

Мы идём к кораблю по тропе, по которой многие наверняка прогуливались. Всё это мало напоминает официальное переселение с планеты Земля. От родителей я узнала, что, судя по экспертной оценке разговоров в Сети, очень многие неформальные и преступные группы подозревают неладное. Оказывается, не зря. Мой братишка, Хавьер, неожиданно замирает, когда мы выходим из-под завесы кедрового полога на открытое зелёное поле. Перед нами появляется чудовищных размеров корабль, похожий на богомола из хрусталя и нержавеющей стали.

– Петра?..

Хавьер хватает меня за руку.

На противоположном краю поля виднеется точная копия нашего корабля. Он так далеко, что кажется будто наполови-

ну меньше нашего великана. Осталось только два корабля, и я понимаю, что один уже улетел. Папа сказал, что связь с ними исчезла, когда они приблизились к Альфе Центавра.

– Всё нормально, – успокаиваю я Хавьера, хотя и сама убежала бы в лес.

Из головы не идут Лита, учителя, одноклассники. Гадаю, как они там. Не хочется думать, что в панике прячутся, ведь от судьбы не уйдёшь.

Представляю, как Лита и Тиа Берта лежат под красно-чёрным одеялом с бахромой, пьют кофе с секретной добавкой и смотрят, как Огненный Змей возвращается домой.

«Берта! Жадничать нет смысла».

Лита хватает коричневую стеклянную бутылку и наливает густую жидкость того же цвета в кофейную кружку.

«Наверное, ты права, – отвечает Тиа Берта. – Рождество всё равно отменяется, так что нечего и экономить».

Берте Лита нальёт побольше. Они чокнутся глиняными кружками, долго будут потягивать кофе, прислонившись бок о бок к столетнему ореховому дереву Берты.

Таковыми я их и запомню.

Ещё до того, как родителей выбрали в полёт, многие занялись грабежом.

Когда я спросила маму, с чего это они вдруг, ведь добро скоро пропадёт, её глаза подозрительно заблестели.

– Люди в панике. Некоторые пускаются во все тяжкие, совершая то, чего и сами не ожидали. Но не нам их судить.

Я до сих пор не понимаю, как некоторые сохраняют спокойствие, а другие бесчинствуют.

Я должна быть счастлива, что родителей выбрали для полёта на новую планету Саган. А чувство такое, будто дали на Земле последний стакан воды, и я её глотаю на глазах у всех.

Я смотрю на комету и вздрагиваю. Ненавижу!

Мы с семьёй молча идём по лугу, за нами несколько учёных и ещё одна семья со светловолосым подростком – как муравьи организованным маршем в муравейник. Подойдя ближе, я замечаю вместо зацементированной стартовой коммерческой площадки свежескошенную траву.

Мама тихо говорит:

– Когда взлетим, вы даже не заметите, что прошло время. Так что нервничать не из-за чего.

Но приглядываясь к ней, я ловлю её на том, что она плотно зажмуривает глаза и трясёт головой, словно от этого всё улетучится.

– А прибудем на Саган, – продолжает она, – и все начнём сначала, как в фермерском хозяйстве. Там будут и другие дети вашего возраста.

Как-то мне от этого не легче. Новые друзья мне ни к чему. Я даже Торопыжку отпустила на свободу за домом Литы. Может, черепашка как-нибудь переживёт удар кометы, уйдя глубоко в свою нору, и заживёт без меня.

– Глупости, – бормочу я. – Может, рассказать им про мои глаза, и нас не пустят на корабль.

Мама с папой переглядываются. Мама берёт меня за локоть и отводит в сторону, улыбаясь другой, проходящей мимо нас семье.

– Что с тобой, Петра?

У меня на глазах наворачиваются слёзы.

– А как же Лита? Вам всё равно, что ли?

Мама прикрывает глаза.

– Ты не представляешь, как нам всем тяжело. – Она вздыхает и смотрит на меня.

– Тебе больно, понимаю, но сейчас не время.

– А когда оно наступит, это время? – говорю я, повысив голос. – Через сотню лет, когда её не будет в живых?

Светловолосый мальчик, обогнавший нас, оглядывается. Отец толкает его локтем в бок, и он отворачивается.

– Петра, мы точно не знаем, что произойдёт.

Мама украдкой косится на другую семью и тербит свою косу.

– Мне кажется, ты врёшь.

Мама переглядывается с отцом и накрывает ладонью мою руку.

– Сейчас, Петра, Земля не вращается вокруг тебя. Ты не задумываешься о чувствах других людей?

У меня чуть не срывается с языка, что Земля может вообще перестанет вращаться, но рука, за которую меня держит мама, вздрагивает. Обернувшись, я вижу, что мама вся дрожит.

Она кивает на вход, откуда мы пришли.

– Ты заметила за воротами людей?

Я отворачиваюсь. Мне не хочется вспоминать женщину, снимающую обручальное кольцо и подталкивающую ребёнка к вооружённому охраннику.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, – просит она одними губами, когда мы проходим через ворота.

Как и предсказывали, эта молодая семья и сотни других каким-то образом выяснили, что правительство что-то скрывает.

– Да они отдадут всё, что угодно, лишь бы оказаться с нами на борту. – Мама наклоняется и смотрит мне в глаза.

– Ты хочешь улететь?

Я думаю о матери с маленьким ребёнком и о том, что могу никогда больше не увидеть папу, маму и Хавьера.

– Нет, – отвечаю я.

К нам приближаются женщина с девочкой. Они держатся за руки.

У девочки из капюшона торчит серебряный рог. Проходя мимо, она подозрительно меня оглядывает.

– Сума, тсс, – шепчет её мама, и девочка отворачивается.

Моя мама смотрит им вслед, и я понимаю, что она видела их взгляды.

– В общем, придержи сейчас своё мнение при себе, пожалуйста.

Мама проходит вперёд и догоняет папу с Хавьером.

Папа поднимает брови и качает головой. Я понимаю, что даже его терпению пришёл конец. Хавьер бежит ко мне и спотыкается о камень на тропе. Он падает на меня, и я ставлю его на ноги. Он берёт меня за руку.

– Всё хорошо, – говорит он, совсем как я ему раньше. На этот раз он ведёт меня.

Мы приближаемся ко входу корабля-богомолы, и я делаю глубокий вдох.

Над нами нависает передняя часть корабля, размером с футбольное поле. Окна впереди похожи на длинные зубы в разинутой пасти от макушки до нижней челюсти. Две задние ноги врезались в землю, удерживая корабль на месте.

Вдали видны крохотные полоски на брюхе другого корабля-жука. Он взлетит вслед за нами.

Хавьер показывает на два отделения, похожие на крылья в конце корабля.

– Наши места там? – спрашивает он.

Папа кивает.

– Он больше моей школы, – шепчет Хавьер.

– Да, – притворно улыбается мама, словно пытается убедить, что мы идём в Диснейленд. – Не каждый корабль может перевезти так далеко столько людей.

– И мы будем спать? – спрашивает он.

– Да, как будто вздремнём, – отвечает мама.

Сон и его блага – единственная радость, которая сглаживает предстоящее путешествие. Однако, если Хавьер засы-

пает после обеда на полчаса, нам предстоит проспать триста  
восемьдесят лет.

## Глава третья

Не пойму, как это я сразу не сообразила, что происходит, за неделю до отлёта, когда случайно услышала разговор родителей.

Они говорили в гостиной, понизив голос, – знаем мы эти фокусы.

Даже если они знали, что мы спим, всё равно не хотели, чтобы до нас долетело хоть слово.

Я схватила куклу Джозефину за голову и раскинула её тёмные волосы по подушке. Наверное, я лет пять не играла с Джозефиной, но держала её под рукой для подобных случаев.

Выйдя на цыпочках из спальни, я прошла мимо двери Хавьера.

Мерцающего света от его аквариума хватало, чтобы идти по коридору.

Из его комнаты донёсся довольно громкий шёпот, способный оживить даже Джозефину.

– Петра, ты куда?

Я поспешила войти к нему, и скрипнула дверью.

– Никуда. Просто попить.

Он перекатился в кровати, освобождая место. Вместо пижамы на нём была толстовка с капюшоном с изображённой на ней генетической бандой зверей, которую он не снимал

три дня.

С тех пор, как китайские генетики воссоздали шерстистого Уолли и клонированный мамонтёнок вышел на мировую сцену, у каждого ребёнка лет восьми была толстовка с Уолли в центре на груди, маленьким гипакрозавром с одной стороны и птицей додо с другой. Хавьер протянул мне книжку «Мечтатели»<sup>6</sup>, настоящую, бумажную, доставшуюся ему от отца. Книга была старая, написанная задолго до появления либрекса и генераторов историй.

– Не сейчас, Хавьер.

Я поставила его любимую книгу на полку над кроватью.

– У-у-у, – заныл он.

Вдруг мама с папой повысили голос, и я приложила к губам палец.

– Тише. Мы уже должны спать.

Я наклонилась поцеловать его на ночь и ушибла о кровать ногу. Закрыв рукой рот, я повалилась рядом с ним.

– Прости, – прошептал он.

– Ты тут ни при чём, – буркнула я, растирая на ноге палец. – Я не рассчитала. Глаза подвели.

Хавьер схватил меня за руку.

– Не переживай, Петра. Я буду твоими глазами.

К горлу подкатил комок, и я обняла брата. Взяв его ручонку, погладила пальцем созвездие родинок у сгиба большого пальца, молчаливое послание, о котором знали только

---

<sup>6</sup> Юи Моралес. «Мечтатели».

мы. Я устроилась рядом с ним на подушке, и мы смотрели, как плавает со дна на поверхность аквариума и обратно африканская карликовая лягушка. С длинными перепончатыми ногами она была похожа на мексиканский томат с торчащими из него зубочистками.

– Ну ты её и раскормил.

– Её зовут Толстушка, так что всё в порядке, – ответил Хавьер.

Я хихикнула и стала гладить родинки, пока не услышала его сонное дыхание.

Из-за корешка «Мечтателей» я увидела, как мама взглянула на нас внимательными и добрыми, как у Литы, глазами.

Я сползла с кровати Хавьера на пол. В коридоре было темно, и я решила, что до гостиной, чтобы подслушивать, безопаснее добраться ползком. Так я чувствовала обстановку на ощупь и, ни на что не налетая, подобралась к книжному шкафу.

– Это как-то отвратительно, – говорила мама. – Сто сорок шесть дежурных на каждом корабле – всё, что нужно, чтобы человеческий род продолжался с достаточным генетическим разнообразием, даже если все остальные погибнут.

Они часто шутили так, обмениваясь научными гипотезами.

Наверное, это просто один из их заумных разговоров во время свидания вечером без детей.

– Похоже, что дежурные ради нас жертвуют собой, – про-

должила мама.

– Их для этой миссии выбрали не случайно, как и нас, – сказал папа.

– Но мы-то доберёмся до цели.

– Они такие же пассажиры, – ответил папа. – А мы точно не знаем, что нас ждёт. Кто станет утверждать, что им выпадет лучшая или худшая судьба?

Теперь всё больше становилось похоже, что этот разговор не гипотетический. Часы на кухне пробили десять.

– Трансляция, – сообщил отец, включая десятичасовые новости.

Я выглянула из-за диванной подушки.

«Сегодня вечером мы ведём репортаж со Всеобщего мирного форума, где растёт международное движение».

Ведущая подняла брови, но на лбу не появилось ни морщинки.

«Это... интересное новое движение получило одновременно как огромную поддержку, так и ещё больше критики».

Её сменил остроносый мужчина с коротко подстриженными на висках волосами. Его тихий голос не гармонировал с острыми чертами лица.

«Этот век принёс много испытаний. Вскоре их станет больше. Представьте себе мир, где человечество достигло консенсуса. С единодушием мы избежим противоречий. Нет противоречий – не будет и войн. Без затрат на войны, – нет голода. Без различий в культуре, внешности, знаниях...»

Я просунула голову между подушек, чтобы разглядеть по-лучше.

За ним плотным рядом, обхватив друг друга за пояс, стояли мужчины и женщины в одинаковой униформе с обесцвеченными, зачёсанными назад волосами. Ни намёка на макияж, одинаковые улыбки.

«Неравенство и противоречия привели нас к беспорядкам и несчастью. Эти совместные усилия обеспечат выживание», – сказал мужчина.

– Ага, – возразил папа, хотя парень его не слышал. – Какой ценой?

– Разве мы не этим занимаемся? – спросила мама. – Не выживаем?

Отец вздохнул.

Мужчина шагнул назад, сливаясь с шеренгой.

«Вступайте в наши ряды. Наше содружество сильно единством. С вашим доверием мы сотрём боль и страдания прошлого. Мы...»

Они все говорили в один голос: «Создадим новую историю».

Отец приглушил звук.

– Кажется, речь о совсем другом виде выживания. Разве это не страшно?

Он показал на экран.

Я села на пятки. По-моему, в мире, предлагаемом этими незнакомыми людьми, ничего плохого не было. Ни войны,

ни голода, ни забот о том, что завтра надеть в школу.

Папа, словно читая мои мысли, уточнил:

– В их целях ничего страшного нет, а вот в том, как они собираются их достичь, – да.

Я обычно не могу засиживаться допоздна, чтобы посмотреть новости, и понимаю, что пропускаю массу интересного. Так что же в предложении парня страшного?

Я увидела, как отец качает головой.

– Равенство – хорошо. Но равенство и единообразие – не одно и то же. Иногда люди говорят о чём-то, не думая, что это означает на самом деле... Эта догма переходит тонкую грань.

Напоминаю себе: завтра посмотреть в словаре, что такое догма.

– Их мало, вряд ли у них что-то получится.

Мама показала на экран.

– Нам сейчас не до того. У нас проблемы гораздо больше, соревнуемся с другими странами по кораблям.

– Могу поспорить, что по крайней мере Япония и Новая Зеландия в ближайшие дни запустят несколько. Вопрос в том, есть ли у них тайная подходящая для жизни планета.

Мама вздохнула.

– Может, это содружество и право. Мир во всём мире и сотрудничество очень важны.

Я услышала шорох и поняла, что папа гладит её колени.

– А наша задача – помнить, что мы делали не так, и по-

стараться создать для детей и внуков лучшую жизнь. Почувствовать разницу и суметь примириться.

Я поползла назад в свою комнату и столкнула Джозефину на пол. Интересно, а те дежурные, о которых они говорили, помогут мне убирать в новой комнате? В какую часть США отвезёт нас корабль из маминого и папиного нового проекта? Как заставить Хавьера не перекармливать лягушку?

Позднее я узнала, что в ту ночь, в отличие от меня и людей в новостях, родители уже знали, что должно случиться. Мы не сможем общаться с дежурными или мусорить в комнате. Мы не полетим куда-то на Земле. «Миссия» родителей на планете вне Солнечной системы, под названием «Саган». Дежурные, выбранные смотреть за нами, пока мы будем спать, даже не доживут до высадки на планету. Но будем надеяться, что, когда проснёмся, их прапраправнуки окажутся на корабле.

А толстая лягушка Хавьера будет в пруду есть столько, сколько захочет.

## Глава четвёртая

Очевидно, человек, который изобрёл программу *En cognito*<sup>7</sup> (другими словами, «загружаемые знания»), купил себе место на третьем корабле, предоставив доступ к ней каждому пассажиру, покидающему Землю. Поэтому пока мы без сознания, я буду получать уроки ботаники и геологии, выбранные для меня родителями.

Но мне уже почти тринадцать, и мне тоже разрешено выбрать дополнительный курс, какой хочу. Мой курс, наверное, стоит больше, чем наш дом и Литы, вместе взятые. Сотни лет... и жизнью, сотни лет жизни фольклора и уроки мифологии отпечатаются у меня в памяти к тому времени, когда мы прибудем на Саган. Представить невозможно, сколько узнаю историй.

Я задумываюсь, как бы мной гордилась Лита, и едва замечаю, как мама кивает папе, пока мы подходим к кораблю. Папа берёт за руку Хавьера, а мама в то же время сжимает мой локоть.

– Не бойся, я с тобой, – шепчет она.

Неожиданно до меня доходит, что они делают, и мне хочется плакать. Я понимаю, о чём они умалчивают – они не хотят рисковать, чтобы я всё испортила. Организаторы не бе-

---

<sup>7</sup> Я знаю (*лат.*).

рут на новую планету никого «с генетическими дефектами», вроде моей болезни глаз.

У трапа на входе ожидают, по крайней мере, семеро, все молодые, одетые в одинаковые тёмно-серые комбинезоны. Кожа у них самых различных оттенков, от белого до тёмно-коричневого. Они осматривают толпу и один за другим подходят к кому-нибудь из нашей группы.

От трапа к нам быстро подходит молодой человек в круглых очках. Он смотрит на планшет и улыбается маме.

– Доктор Пена?

– Да, – отвечает она и поправляет: – Только «н» мягкое: Пенья, как «лазанья».

Он улыбается.

– Извините, Пенья.

Он что-то нажимает на планшете, и тот гудит.

Потом поворачивается к папе.

– И доктор Пенья?

Папа кивает.

«Очкарик» нажимает кнопку на голотаке и говорит в микрофон:

– Пенья: двое взрослых и двое детей. Рад познакомиться. Я Бен, дежурный. На корабле я присматриваю за детьми.

И знаком приглашает следовать за ним на корабль.

– Извините за спешку, но у нас мало времени.

Он нервно оглядывается на ворота в парк. Я тоже оглядываюсь, но не вижу ничего, кроме леса, из которого мы только

что вышли.

Другие дежурные уже исчезают в зияющей дыре входа с остальными пассажирами.

– Пошли, – говорит будто самой себе мама, но намекает, что проведёт меня в корабль.

Вход окружает фиолетовая полоска света, совсем как на рекламе корпорации «Плеяды», но за ней темно, только виднеется слабое синее мерцание.

Другие логотипы компании, указывающие на то, что корабль создан как роскошный лайнер, стёрты. Я вожу глазами из стороны в сторону, чтобы получить более подробную картину, как советовал врач. При освещении у меня нет проблем со зрением, но в сумерках я почти всегда хожу на ощупь даже дома или спотыкаюсь и падаю на игрушки Хавьера. По-научному это называется *retinitis pigmentosa*: как будто ты смотришь на мир сквозь рулон туалетной бумаги. С годами, говорят, будет всё хуже.

Я поворачиваюсь, чтобы напоследок взглянуть на небо, и на что-то налетаю.

– Извините, – машинально говорю я, и замечаю, что это дверной косяк.

Мы с Хавьером давимся от смеха.

Мама прикладывает к губам палец и укоризненно качает головой. Я закрываю глаза и в последний раз дышу земным воздухом.

Мы поднимаемся по трапу, пока не оказываемся в трю-

ме корабля. В тени, словно ковровая моль, прячется сияющий тёмный челнок, выжидая, когда пройдут четыре сотни лет и он приступит к исполнению долга. В трюме корабля, как на складе, выстроилось множество рядов металлических контейнеров.

Бен ведёт нас к лифту, дверь которого только что закрылась за двумя семьями, с которыми мы шли сюда. Пока мы ждём, Бен показывает на стальную дверь с мигающим синим светом, её задвижка заключена в прозрачный пластиковый корпус.

– Запасы продовольствия и фильтры для воды, испытанные и запечатанные до прибытия на Саган. – Потом показывает на пустой тёмный угол в корпусе и смотрит на маму с папой.

– Здесь будут ваши лаборатории.

Папа поднимает брови.

Бен улыбается.

– Да, на лаборатории пока не похоже, но не беспокойтесь, к прибытию на планету всё будет обустроено.

Он кивает на трап, по которому мы поднялись.

– А это превратится в причал для шаттлов.

Тихо подъезжает лифт, и двери открываются. Его внешние стены сделаны исключительно из стекла с закруглёнными углами, и всё это помещается в круглой тёмной металлической трубе. Бен нажимает на цифру шесть, и стеклянные двери закрываются. Мы поднимаемся в тёмной трубе. Хавьер хва-

тается за папину ногу.

Бен улыбается Хавьеру.

– Самое страшное – позади, – говорит он. – Расстояние от складов до основных этажей составляет половину высоты корабля.

Как только он договаривает, лифт сигнализирует, что мы прибыли на первый этаж.

Металлический кожух исчезает. Окна лифта выходят на пещеристое тело корабля.

У меня так же кружится голова, как в тот раз, когда я вышла из туннеля на олимпийском стадионе в Далласе, куда мы с классом ездили на экскурсию.

Хавьер отпускает папину ногу и бежит смотреть на внутренности корабля.

– Ого! – восклицает он, положив ладони на окна.

Даже я ахаю. Я вижу атриум размером в шесть футбольных полей.

Дзинь! Лифт сообщает, что мы на втором этаже.

На противоположной стороне, как на футбольном стадионе, сотни кабинок смотрят на зелёное поле несколькими этажами ниже.

Весь нижний этаж занимает огромный парк. В зелени внизу, словно прожилки листьев, выются тропинки. Мы стоим по крайней мере метров на пятнадцать выше, отсюда разбросанные вдоль троп то там, то сям скамейки и столы выглядят совсем маленькими. Фонари блестят, как светлячки,

освещающая тропинки.

На втором этаже, как раз над парком, весь периметр поделён на восемь дорожек, ограниченных белыми полосками, как беговая дорожка. Вдоль стены за ней виднеются тренажёры и зеленовато-голубоватые прямоугольники плавательных бассейнов на одного человека. На каждом углу люди, на расстоянии кажущиеся точками, ездят на лифтах вверх и вниз. Лифт сообщает, что добрались до третьего этажа.

– Моя комната здесь.

Бен показывает на дверь напротив номеров, выходящих окнами на парк. А затем показывает пальцем на два этажа ниже.

– Как раз над зрительным залом, – говорит он, махнув на основной этаж.

Там находится амфитеатр со сценой и голографический экран намного больше тех, что в Синетраке 8. Я на секунду задумываюсь, кто решает, какие фильмы им смотреть.

– А это кафетерий, – продолжает Бен, показывая на главный этаж.

Огромный открытый зал, который мог бы служить ресторанным двориком в любом торговом центре, лежит прямо перед парком. Столы и стулья убираются в стены, как часть корабля. Шкафы от пола до потолка содержат достаточно съестных припасов для всех дежурных на сотни лет. Я боюсь думать, где они возьмут столько воды, чтобы увлажнять пищу. На корабле негде держать запасы воды на триста восемь-

десять лет. Стена с макроволновками – единственный признак нормальной кухни.

Дзень. Мы добрались до четвёртого этажа.

Всё благоговение, которое мне внушает корабль, неожиданно исчезает, когда я напоминаю себе, почему мы здесь находимся. Во всяком случае, я смогу всем этим воспользоваться только перед посадкой.

Зов желудка сменяется на мысли о том, чем я жертвую. Кухонькой Литы с землистым запахом зелёного перца и замоченной в извести кукурузы.

Я смотрю на кафетерий, в котором, конечно же, не будет масы<sup>8</sup> и чили верде. Лите здесь было бы неуютно, как ни крути. Я вспоминаю её тёмные морщинистые руки, выкладывающие масу на кукурузные листья, и старательно моргаю, чтобы слёзы испарились, прежде чем заструятся по щекам. Наверное, не мне одной приходит в голову, что всё это большая ошибка. Бог разберётся и подтолкнёт комету Галлея... или оборотня... или что там на пути.

Дзень. Лифт объявляет пятый этаж.

Я поднимаю голову, надеясь, что никто не заметит, что глаза у меня на мокром месте. Куполообразный потолок метрах в тридцати над нашими головами покрыт двумя огромными экранами. По небу, похожему на настоящее, плывут волнистые облака. Массивные ряды светильников дают пол-

---

<sup>8</sup> *Маса* – кукурузная мука, основной ингредиент для многих мексиканских блюд.

ноценное освещение, как в маминой теплице.

Бен стоит рядом и тоже смотрит вверх.

– Через пару часов вы увидите ночное небо, всё будет привычным, как дома.

Я слежу за его пальцем, он опять показывает на парк.

– Там даже настоящие растения.

– Красиво, – шепчу я.

Мама целует меня в щёку: наши разногласия больше не играют роли. Она тихонько говорит мне на ухо:

– Посмотри внимательно в середину.

Я медленно осматриваю середину парка. Стена из булыжника, выложенная кольцом, похожа на декоративную вазу в середине стола. В центре каменного кольца растёт небольшое деревце.

– Это рождественская ёлка? – спрашивает Хавьер.

Мама тихо хихикает.

– Это Гиперион<sup>9</sup>.

Я поворачиваюсь к ней, и мы сталкиваемся носами. Я довольно смеюсь.

Она, наверное, бредит. У меня всегда был хороший глазомер. Ну не может из этого прутика вырасти самое высокое дерево в мире. Даже если настоящее местоположение Гипериона скрывается, любой, у кого родители – ботаники, знает про легендарное дерево. Мама однажды видела его собственными глазами. Она рассказывала, как обняла его и за-

---

<sup>9</sup> *Гиперион* – секвойя, самое высокое дерево на Земле.

плакала.

Я смотрю на неё. Она с обожанием глядит на крошечное дерево, впервые за последние несколько дней улыбаясь по-настоящему.

– Ну, не сам Гиперион, но мне удалось взять отросток.

У неё дрожит голос.

– Мы оставляем столько прекрасного. Взять с собой потомка растения с такой силой и жизнеспособностью для меня невероятно символично.

Она вздыхает.

– Когда мы прилетим на планету, он всё равно будет малышом по сравнению с его матерью. Для его подкормки и других растений используются питательные вещества с постепенным растворением. – Мама вскользь упоминает об изобретённых ею новейших добавках в почву и нервно смеётся.

– Посмотрим, что получится.

Дзинь. Лифт поднялся на шестой этаж.

– Поздравляю вас, – улыбается Бен. – Отличная работа.

Мама едва заметно кивает. Дверь открывается. Мы выходим.

Остальные пассажиры уже исчезли в лабиринте коридоров.

Вслед за Беном мы входим в туннель, ближайший к боковой обшивке корабля. Он поднимается вверх, освещение довольно тусклое, и я держусь за поручни. Мы почти вверху туннеля, то есть приближаемся к правому крылу богомола.

– Знаете, – продолжает Бен. – Я знаком с доктором Нгуен, которая отвечает за семена и посадки на первом этапе нашего путешествия.

Мамина улыбка немного сползает, и папа гладит её по спине.

– Мы дружим, – говорит мама. – Увидите её, передайте, пожалуйста, нашу благодарность. И...

Наступает неловкая тишина.

– Конечно, – говорит Бен. – Обязательно передам.

Я заглядываю в открытые двери по обеим сторонам. Люди в серой униформе, как у Бена, стоят у панелей, скользя пальцами по голоэкранам.

– Подростковая стазисная палата, – говорит Бен, показывая на открытое помещение справа.

С каждой стороны пустого прохода посреди комнаты выстроились тридцать белых капсул со стеклянным верхом, похожих на гробы. Большинство крышек уже закрыто, внутри блестит флуоресцентная жидкость.

Я высвобождаю руку из маминой и не решаюсь войти.

Перед одной из капсул стоит женщина с пучком на голове и планшетом в руке. Рядом с ней – семья со светловолосым ребёнком. Женщина смотрит на меня и морщит лоб, словно я муха, которая приземлилась на контрольную панель. Она тычет в планшет, и дверь с глухим стуком закрывается.

Бен наклоняется ко мне.

– Главная дежурная. Очень серьёзно относится к работе.

Я благодарна, что вместо той дамы с нами Бен.

– Уважаемые доктора Пенья, ваши места – в носовой части правого борта корабля. Места детей – в кормовой части, впереди...

Папа останавливается.

– Погодите, никто не говорил, что нас разделят.

Бен поворачивается к отцу и, запинаясь, говорит:

– Таков... таков порядок, – понижает голос он. – Мне очень жаль, доктор Пенья, но ваше место – в другом конце корабля.

Он смотрит через комнату на главную дежурную.

– У нас приказ: для более эффективного наблюдения сортировать и размещать в соответствии с возрастом.

Сортировать и размещать? Будто мы яйца в картонной упаковке. Чрезмерно очищенный воздух обжигает ноздри и глаза.

Родители переглядываются. У мамы вид не менее озабоченный, чем у отца, но она стискивает его руку.

– Милый, всё будет хорошо.

Папа быстро целует её в лоб. Я смотрю на Хавьера, который нахмурился так же, как и папа, беру его за руку и целую в лоб.

– Милый, всё будет хорошо, – шепчу я, передразнивая маму. Хавьер улыбается и прижимается ко мне.

Папа кивает Бену, что можно продолжать, и тот облегчённо вздыхает.

Бен входит в открытую дверь, потом смотрит на нас с Хавьером.

– Мы пришли. Места для детей от шести до двенадцати лет.

## Глава пятая

В «подростковой» комнате темнее, чем на остальном корабле.

Здесь стоит три ряда по шесть стазисных капсул, и выглядит они точно, как яйца в картонной упаковке. Все капсулы, кроме семи, уже заняты. В мерцающей жидкости плавают тёмные формы. Я вспоминаю зеленоватую воду мангровых каналов возле дома Литы в Тулуме, где она выросла, самом спокойном месте на Земле. Но мне всегда казалось, что неясные тени, скользящие под поверхностью, того и гляди, оттяпают пару пальцев. Хавьер хватает меня за талию.

Бен наклоняется к Хавьеру.

– Я понимаю, что тебе немножко страшно, но, пока я здесь, буду заботиться о вас обоих.

Бен отодвигает защёлку на пустой капсуле. Крышка с чавкающим звуком открывается.

– Видите, как сканер МРТ в кабинете врача.

– А кто поместит в них вас? – спрашивает Хавьер Бена, показывая на капсулу.

Мама обнимает его за голову, закрывая ладонью рот.

– Извините, – говорит она. – Он не понимает.

Бен склоняется над Хавьером.

– У нас самая крутая работа в мире. Мы проживём всю жизнь на корабле, путешествуя в космосе.

Бен машет рукой.

– Ты же видел, какой у меня замечательный новый дом?

Хавьер кивает.

Он прав. По-моему, это лучше, чем умереть на Земле. Но в парке Бена не почувствуешь запаха цветов пустыни после дождя. Огромный экран над головой может показать дневное и ночное небо, но на нём не увидишь вспышки молнии, не услышишь раскатов грома. Вид тёмной пустоты космоса не сравнится с оранжевыми и красными всполохами при восходе и закате солнца у гор Сангре-де-Кристо там, дома.

Бен продолжает:

– Я даже помогал людям на первом корабле заснуть перед взлётом. Там были строители, фермеры... много детей. А когда ваш корабль совершит посадку на Сагане, они будут готовы к... – он постукивает по лбу Хавьера, – науке, которую несёт наш корабль.

Я вспоминаю ещё об одном корабле, который мы видели по пути сюда, и думаю, сколько на нём путешествует детей с родителями.

Бен подаёт маме пластиковый пакет и достаёт ширму для переодевания. Пока мама помогает Хавьеру переодеться, Бен приглашает папу подойти поближе к капсуле. Он понижает голос и меняет тон, словно уже сотню раз сегодня говорит одно и то же:

– En Cognito немедленно погружает органы и мозг в сон. Гель постоянно сохраняет ткани, удаляя стареющие клет-

ки и отходы. Он не только обеспечивает питание и кислород, необходимые организму для длительного пребывания в стазисе, анестетик в его составе подавляет чувствительность нервных окончаний, доводит температуру до комфортной после пробуждения.

Папа делает глубокий вдох.

– Понимаю. Благодарю вас.

Бен быстро меняет тему, и его голос приобретает обычное звучание.

– И, – он смотрит на планшет, – у меня уже есть программы En Cognito и для Хавьера, и для Петры. Стандартный набор с упором на ботанику и геологию.

– Круто, – говорит папа и поднимает большие пальцы.

Я закатываю глаза. Мне, по крайней мере, не придётся на самом деле слушать лекции, ведь прибор En Cognito, что погружает нас в сон, также запрограммирован внедрить эти темы прямо в мозг. Когда прибудем на Саган, я стану таким же специалистом, как мама в ботанике и, как папа в геологии. Хотя очевидно, что самое интересное – не это.

Изучив фольклор и мифологию, и с историями Литы в запасе, у меня будет возможность убедить маму с папой, что мне суждено стать сказочницей. Но, как сказала Лита, истории должны стать моими собственными.

Хавьер выходит в чёрных плавках, словно собирается на пляж. Когда мама отдаёт Бену пластиковый пакет с одеждой Хавьера и его любимой книгой, папа берёт его на руки и об-

нимает.

Мама гладит Хавьера по спине, а он смотрит на открытую капсулу.

– Я хочу домой, – хнычет он. – Пожалуйста, поедem домой.

Мама освобождает Хавьера из объятий отца.

– Ты всего лишь ляжешь спать.

У Хавьера перехватывает дыхание. Он с трудом сдерживает слёзы. Мама сажает его в капсулу, все ещё не размыкая объятий.

Мне хочется, чтобы последние воспоминания брата перед погружением во многовековой сон были приятными. Я становлюсь перед ним на колени и прижимаюсь лицом к его щеке. Закрыв глаза, представляю, что моя рука у Литы, а в небо Нью-Мексико поднимается сосновый дым. Держу руку брата, как Лита держала мою, глажу созвездие из родинок на левом большом пальце. На его лице появляется улыбка. Я решаю рассказать ему ту историю, что услышала от Литы в последнюю ночь, проведённую у неё, ту, которая меня успокоила. Тихо и терпеливо начинаю.

– Знаешь, звёзды – это молитвы бабушек, мам и сестёр... – Хавьер сопит мне в ухо, и я продолжаю: – За детей, которых они любят. Каждая звезда полна надежды.

Я сажусь и показываю на небо:

– *Y cuántas estrellas hay en el cielo?*<sup>10</sup>

– Сколько на небе звёзд? – повторяет он, открыв глаз,

---

<sup>10</sup> А сколько на небе звёзд? (*исп.*)

чтобы посмотреть на потолок, словно представляет ночное небо. – Не знаю, – подумав, отвечает он.

Я наклоняюсь поближе и шепчу ему на ухо:

– Cincuenta<sup>11</sup>.

Он улыбается, вероятно, воображая бесчисленное количество звёзд.

– Sin... cuenta? – переспрашивает он.

Я улыбаюсь и глажу его по голове, как Лита.

– Без... числа, – шепчет Хавьер, понимая, где кроется загадка Литы.

Я задумываюсь, так ли хорошо я рассказала, как она, успокаивает ли его моя рука, как меня, когда я держу руку Литы. Остального не помню. Она закончила историю, и я успокоилась. Что она говорила?

– Все эти звёзды, что будут окружать нас, это наши умершие предки. Они будут шептать нам на ухо послания.

Хавьер садится, с испугом выпучив глаза.

– Звёзды – умершие родственники?

– Нет, я хотела сказать, как...

– Как духи? В космосе?

Хавьер хватается за край капсулы и пытается встать.

– Мама, пожалуйста, я не хочу лететь.

Не на такой результат я надеялась.

– Я не это хотела сказать, – пытаюсь исправить положение я, но слишком поздно.

---

<sup>11</sup> Пятьдесят? (исп.)

Хавьер сейчас расплатится.

Вмешивается Бен.

– Доктор Пенья, нам надо идти дальше.

Мама гладит Хавьера по голове, чтобы успокоить, как после кошмара.

– Да-да, знаю.

Она укладывает сына и поворачивается ко мне.

В уголках глаз у неё собираются морщинки.

– Петра, сейчас не время для историй.

Слова кувалдой обрушиваются на мой живот.

У Хавьера дрожит подбородок.

– Хочу домой.

Может, родители правы, мне лучше изучать растения и камни, как они. Может, желание рассказывать истории – из разряда «жить в мире грёз» или «витать в облаках».

– Хавьер, мы летим домой, – пытаюсь оправдаться я, хватаясь за соломинку, за правду. – На Сагане мы будем бегать и играть, как обычно.

Хавьер кивает и безуспешно пытается улыбнуться. Папа гладит меня по спине. Я в ответ тоже улыбаюсь, но думаю, что от меня одни неприятности. В чём же секрет Литы? Мне никогда не стать такой, как она.

– Готовы? – шепчет маме Бен.

Мама неохотно кивает, но на глаза у неё наворачиваются слёзы.

Бен нажимает на кнопку и появляются ремни, которые

держат Хавьера на месте.

Я чувствую на плече папину руку. Он слегка сжимает плечо, давая мне знать, что всё будет хорошо.

– Мама, пожалуйста, – просит Хавьер.

Он дёргается, но с ограничителями не может сдвинуться больше, чем на несколько сантиметров.

Бен надевает пластиковые перчатки. Он открывает металлическую коробку, на боку которой большими буквами написано: «En Cognito загружаемые знания – детский набор». Внутри – блестящие серебряные шарики. Бен поднимает один «ког» и устанавливает в какую-то штуку, похожую на миниатюрную ложку для мороженого, нажимает кнопку на ручке, и ког светится фиолетовым.

По маминой щеке катится слеза, и её голос звучит необычно тонко, выше, чем голосок Хавьера.

– Всё в порядке, малыш. Обещаю, всё будет хорошо. Не бойся.

Хавьер дрожит всем телом, и по его щекам тоже льются слёзы.

Я крепче сжимаю его руку, глажу большим пальцем его родинки.

– Почти всё, – спокойно говорит Бен.

Ложкой для мороженого он перекачивает фиолетовый ког в ямку на шее Хавьера и удерживает.

– Ещё несколько секунд.

Хавьер закрывает глаза.

Я наклоняюсь, и его веки трепещут, открываясь на мгновение. Я приближаюсь к нему.

– До встречи, когда проснёшься, – шепчу я Хавьеру на ухо.

Хавьер всхлипывает, потом пищит:

– Когда мы проснёмся...

Через мгновение его тело обмякает, и он перестаёт дышать.

Я отпускаю его безжизненную руку и встаю, падая папе на грудь. Мама обнимает нас обоих. Я вытираю глаза папиной рубашкой, надеясь, что никто, кроме него, не заметит.

Ровным женским голосом компьютер сообщает:

«Статисная капсула номер семь заполняется».

Я не смотрю. Знаю, что другие дети уже спокойно отдыхают в капсулах, но они мне не родня. А с братом я разговаривала несколько секунд назад. Я прячу голову в папину рубашку, пока щелчки запираемой капсулы Хавьера эхом разносятся по комнате.

– Извините, что поторапливаю, но... – говорит Бен.

Отец подталкивает меня к пустой капсуле.

– Мы понимаем.

Я вытираю глаза о папину рубашку и поднимаю голову. Бен медленно движется ко мне. Он смущённо наклоняет голову. Мама откашливается. Она тарашит на меня глаза. Что? Что не так? Я опускаю глаза, стараясь не показывать растерянности.

Бен держит такой же пакет, какой дал Хавьеру. Я его не заметила.

– Твоя одежда, – говорит он.

Трясущейся рукой я беру пакет.

– Спасибо.

Он смотрит на родителей. Неужели заметил? Никто не говорит ни слова.

– Петра? – Бен смотрит мне в глаза. – Ты меня не видела?

Я кусаю губу и опускаю голову. Смотрю на отца, он слегка улыбается, но потом отводит взгляд. Я совсем запуталась.

Ну вот, я всё испортила. Я опускаю пакет и в отчаянии смотрю на Бена.

Чувствую, как мама протягивает руку, чтобы защитить, но тут Бен поднимает пакет и отдаёт мне.

– Давайте оденем Петру, – говорит он, кивая родителям.

Мама всхлипывает:

– Спасибо.

Я замечаю, что Бен смотрит из окна на лес.

– Нам просто необходимо поторопиться.

Я захожу за ширму и открываю пакет.

Кроме одежды в пакете белеет резиновая шапочка, как у пловцов.

Представляю, как прячу под неё непослушные волосы, и знаю, что буду похожа на коричневую ватную палочку. Я стараюсь об этом не думать. Разве сейчас это важно? Я роняю одежду на пол и надеваю шорты. В бёдрах они тесноваты. С

последним рывком я думаю, что проснусь, как надувной жираф, перекрученный в нескольких местах. В спешке натягиваю через голову топ, пока на помощь не бросается мама.

Я достаю из кармана кулон, подаренный Литой, и стискиваю в руке. Серебряные солнечные лучи колют мне ладонь. Металлическая плитка холодит ноги. Дрожащей рукой я передаю обсидиановый кулон Бену.

– Боюсь потерять.

Моё тело словно держится на струнах, которые внутри лопаются и рвутся.

Бен делает шаг вперёд, берёт у меня кулон и осторожно кладёт мою волшебную связь с Литой в пластиковый карман.

– Когда проснёшься, он будет здесь, – улыбаясь, говорит он.

Не могу глубоко вдохнуть. Мама обвивает меня руками, её дыхание согревает мне ухо. Она целует меня в щёку.

– Я так тебя люблю.

Я глажу её по спине, но к горлу подкатывает комок, и не могу ей ответить, что люблю её ещё больше.

Мы подходим к капсуле, где нас ждут папа с Беном.

– Я обещаю, – говорит родителям Бен, снова выглядывая в окно, – сделать всё возможное, чтобы они благополучно добрались до Сагана.

Мне хочется его поблагодарить, но я только привлеку лишнее внимание к тому странному факту, что он посвятит жизнь уходу за мной.

Папа, поцеловав меня в лоб, помогает мне устроиться в капсуле. Я откидываю назад голову, вытягиваюсь, чтобы кожа не сжималась и не растягивалась. Меня трясёт, как и Хавьера, и я ничего не могу с этим поделать.

Мама накрывает мне ладонью лоб, а папа держит за руку.

Бен натягивает новые перчатки и достаёт из коробки ког. Поместив его в инсталлятор, он нажимает кнопку. Ког светится фиолетовым.

– Ботаника. Геология. Стандартный набор. Кажется, всё.

– А курс, который выбрала я?

Бен поднимает брови.

– Курс на выбор?

Я холодею.

– Мама?

Мама поворачивается к Бену.

– Мы договорились, что Петра, поскольку ей почти тринадцать, прослушает ещё курс мифологии.

Бен смотрит на планшет и качает головой.

– Мне очень жаль, но такого курса здесь нет. План курсов окончательно утверждает главная дежурная.

Я вспоминаю сердитую женщину с тугим пучком на голове. Почему она выбросила курс? По спине ползут мурашки. Мне нужны эти сказания. Как я без них стану великой сказочницей?

Я выдавливаю только одно слово.

– Пожалуйста...

Бен смущённо улыбается.

– Я тоже люблю истории.

Он кивает на письменный стол в углу.

– Самое бесценное на этом корабле. Мне плохо видно, но, кажется, у него там целое собрание либрексов.

В каждом – тысячи голоскриптов.

– Я поговорю со старшей дежурной, может, смогу что-нибудь...

– Бен! – перебивает его папа, подбегая к окну.

Бен откладывает инсталлятор. Его глаза заметно округляются, и он медленно подходит к отцу.

– Мы думали, у нас больше времени.

Папа глубоко вздыхает и наклоняется к окну.

– Что происходит? – спрашивает мама, отходя от меня.

Я сажусь в капсуле, но не вижу того, что видят они. Тогда встаю и иду к окну. Папа старается загородить обзор, но я уже вижу рой тёмных силуэтов, бегущих к кораблю из леса. Многие что-то несут. Хочется думать, что это всего лишь садовый инвентарь, который они нашли в сарае смотрителей парка.

Громкий стук эхом отдаётся около нашего окна. Мама встаёт рядом со мной и снова берёт меня за руку. В громкоговорителях раздаётся механический голос:

«Главные двери закрываются».

– Что? – мамина рука становится липкой от пота. – Уже?

– Дальше откладывать нельзя.

Бен кивает на мягкий стул, прикреплённый к стене.

– В этом секторе только одно откидное кресло в каждой комнате.

Папа возвращает меня к капсуле. Родители спешат устроить меня в ней, их взгляды полны отчаяния. Бен бросается снова активировать ког, который опять ярко светится. Так же, как и у Хавьера, у моих головы, пояса, ног появляются верёвки, плотно удерживающие меня на месте.

– Готовы? – спрашивает Бен.

Я делаю глубокий вдох, но не отвечаю, пытаюсь скрыть трясущиеся губы. И прикусываю изнутри щёку. Если бы мне загрузили курс мифологии, у меня бы появились новые истории. Но увы. Я буду с тем же набором, что обычно. По моей щеке течёт слеза.

Бен проводит шариком по моей шее у позвоночника, пока не нащупывает впадину у основания черепа. Я сосредоточиваюсь на дыхании и думаю о приятном. О молитвах матерей и бабушек.

*Estrellas sin cuenta*<sup>12</sup>.

– Когги En Cognito биосовместимы, – говорит Бен. – Она ничего не почувствует.

Но я чувствую. Он вдавливается в кожу, словно острый камень. Нужно не шевелиться, чтобы всё прошло быстро. Я сглатываю и жду, когда он внедрится и погрузит меня в сон. Бен убирает руку. Плотный ког устраивается под кожей. Я

---

<sup>12</sup> Бесчисленные звёзды.

вдруг не могу ни шевельнуться, ни говорить, ни моргнуть. Ког частично работает. Но что-то не так. Я должна уснуть. Глаза у меня открыты, и я всё ещё вижу. И слышу.

Пытаюсь закричать. Ничего не выходит.

Бен смотрит на экран капсулы. Система отвечает: «Стационарная капсула номер двенадцать заполняется».

Холодный гель заливает тело, попадает в уши, словно по коже, обжигая и покусывая, бегут муравьи, покрывает язык и горло, и через несколько секунд я ничего не чувствую там, куда он проник. Он попадает в уголки глаз, и зрение заволакивается зелёным сиянием.

Речь Бена искажается, но я всё равно его слышу. Такого быть не должно.

Лучше бы я была снаружи, с напавшими на корабль, чем в ловушке. Держусь только благодаря молитвам Литы.

«Estrellas sin cuenta...»

– Почему она на меня смотрит?

Мамин голос дрожит.

«Estrellas sin cuenta...»

– Это нормальная реакция. Она уже спит.

«Estrellas sin cuenta...»

Бен наклоняется и рукой в перчатке опускает мне веки.

## Глава шестая

Я в прошлом пережила кошмар, когда вроде бодрствовала, но не могла двигаться. Мама назвала это сонным параличом, Лита «subírsele el muerto» или «придавленная мертвецом». Лита оказалась права.

Если бы я смогла пошевелить рукой, постучать по капсуле, Бен бы узнал. И сразу же бы понял, что ког не сработал. Я пытаюсь пошевелиться, но не тут-то было, мертвец не даёт.

– Доктор Пенья и доктор Пенья, мне жаль прогонять, – говорит Бен, – но вам пора к вашему дежурному в стазисные капсулы. У нас нет лишних откидных кресел...

Порывистые, приглушённые слова мамы говорят о том, что она уткнулась папе в грудь.

– С ними всё будет хорошо, – успокаивает папа.

Звуки шагов и мамины всхлипы затихают вдали.

Стойте! Не бросайте меня!

Если я не засну... я так тут и застряну. Но должна же быть от этого какая-то защита.

Ещё один глухой стук. Как они обратят внимание на меня, когда корабль атакуют?

Я уже плачу, но с когом En Cognito и гелем мои слёзы никто не увидит.

Отчаявшись, я вспоминаю Литу, воображаю, что пью горячее какао с корицей под небом Санта-Фе. Глядя меня по

голове тёплой рукой, Лита тихо поёт колыбельную:

Arrorró mi niña,  
arrorró mi sol,  
arrorró pedazo  
de mi corazón<sup>13</sup>.

Колыбельная тихонько звучит у меня в ушах, будто Лита со мной рядом.

Возвращается Бен. Я слышу его торопливые шаги и другие, полегче. Звуки перемещаются по комнате.

– Сума, ты последняя.

Я вспоминаю девочку в толстовке с рогом на капюшоне.

– Знаю, – отвечает она дрожащим голосом. – Мама сказала, надо торопиться.

– Вот-вот, – отвечает Бен. – Извини, что ей сюда нельзя. Дело срочное.

Слышится ещё один громкий стук.

– Вы не думайте, я не боюсь, – говорит Сума.

– Я вижу. Но если и боишься, это нормально. То есть если бы боялась.

– Кстати, у меня аллергия на сульфаниламиды, если они есть в геле, это может плохо кончиться. Но не бойтесь. То есть если боитесь.

Голос её дрожит, но она старается не показать страха.

---

<sup>13</sup> Баю-бай, моя девочка, баю-бай, моё солнышко, баю-бай, моё сердечко (*исп.*).

Бен смеётся. При других обстоятельствах я была бы не против с Сумой подружиться.

На мгновение становится тихо, потом Бен говорит:

– Готова? Считай от десяти в обратном порядке.

– Десять.

Сума тяжело вдыхает и выдыхает. Мне кажется, её стошнит.

– Д-девять.

– Всё нормально, Сума. Ты почти спишь...

Тяжёлое дыхание резко прекращается.

«Стазисная капсула номер одиннадцать заполняется».

Рядом со мной раздаётся хлюпанье геля, заполняющего капсулу. Наконец-то! Бен обнаружит, что я не сплю!

Но вместо тихого открытия капсулы её сильно трясёт.

«Приготовиться к взлёту, – говорит компьютерная система. – До старта девяносто секунд».

Из коридора слышатся шаги.

– Успели, Бен. Все, кто поднялся на борт, в стазисе, – говорит женский голос.

Наверное, это главная дежурная.

На какое-то мгновение мне становится легче. Мы успели. Но потом я понимаю, сколько других людей шло по тропе за нами.

– А что с третьим кораблём? – спрашивает Бен.

– Нам повезёт, если девяносто секунд хватит, чтобы покинуть старую планету. На пост охраны напали и отобрали

оружие.

– Включить экран, – дрожащим голосом приказывает Бен. – Показать третий корабль.

– Сейчас не время, – отвечает главная дежурная.

– У меня там младший брат... – умоляет Бен.

Из коридора эхом доносятся звуки ударов по кораблю и топота.

«До старта шестьдесят секунд».

– Мне нужно идти.

Голос главной дежурной слышится уже из коридора. Дверь закрывается, и сумятица исчезает.

– О Господи, Господи, – бормочет Бен. – Подтвердить герметизацию детских капсул.

Длинный гудок заглушает другие шумы.

«Подтверждено. Капсулы к старту герметизированы. До старта сорок секунд».

Кажется, от возрастающего гула, похожего на работу стиральной машины, у меня сейчас лопнут уши.

«До старта тридцать секунд».

Воздух свистит всё громче. Кто-то, похоже, колотит по корпусу челночной пристани.

Наверное, те, кто не попал на борт. Представляю, в каком они отчаянии.

– Подтвердить фиксацию капсул, – говорит Бен.

Ещё гудок.

«Подтверждено. Капсульные основания зафиксированы и

переведены в полётный режим».

Я думаю о пустых капсулах. Если бы на корабль напали на час раньше, наши капсулы тоже остались бы пустыми.

Мне бы хоть пальцем пошевелить, Бен бы помог. Заметил бы неладное.

Вытащил бы меня и погрузил в сон после взлёта корабля.

В голове звучат приглушённые слова:

«Жизненные функции замедлены. Мозговые функции не нарушены».

Мой мозг приказывает кричать.

– Нет! Помогите!

Но ничего не происходит.

«Показатели в норме, – говорит тихий голос. – До старта двадцать секунд. Всем дежурным приготовиться к немедленному взлёту».

В ответ из угла слышится клацанье пристёгиваемого ремня. Шанс упущен.

Бен что-то шепчет так тихо, что я не могу разобрать слов. Молится? Корабль содрогается, словно стучат зубы, и я понимаю: мы взлетаем, зависаем, преодолевая земное притяжение.

И одновременно раздаётся пронзительный вопль, будто миллион вилок скребут по фаянсовым тарелкам.

Представляю, как нападающие выбегают из леса, как напуганные мыши, цепляются за корабль, чтобы пробраться внутрь. Будь моя воля, всех бы впустила. Представляю в той

толпе мамочку с малышом.

Корабль издаёт электронный стон, каждый раз на октаву выше.

«До старта десять секунд».

В ушах пульсирует боль.

«Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре...»

Резкий толчок запускаемых двигателей.

«Три, два...»

Точно не скажу, но кажется, моё онемевшее тело так трянуло, что я ударилась о стенки капсулы.

Голос компьютера заглушается рёвом горного льва.

Металл долго звенит, как ящик с дребезжащим столовым серебром, потом шум замолкает, переходя в ровное мурлыканье.

«Подключен гравитационный модуль», – говорит голос.

Значит, мы покинули земную экзосферу.

Я слышу, как Бен отстёгивает ремень. Хаос последних нескольких минут сменяется жутким гулом. Бен бормочет и шагает туда-сюда по комнате.

Вскоре возвращается главная дежурная.

– Легли на курс, – сообщает она Бену. – Остаётся только... ждать.

Бен откашливается.

– Что с третьим кораблём?

– Мне очень жаль. Искренне жаль. Я знаю, ваш брат, Айзек, был...

Она умолкает.

– Бен, у нас у всех там были друзья.

На мгновение наступает тишина. Потом её голос меняется.

– Без последнего корабля...

Она вздыхает.

– Поговаривают о том, что многое изменится.

Секунду я ничего не слышу. Потом Бен резко спрашивает:

– Что? Что вы имеете в виду?

– Без политиков, президента... Бен, это наш шанс начать всё сначала. Прийти к согласию.

Главная дежурная откашливается.

– Начиная с этого момента, мы будем писать новую историю.

## Глава седьмая

Наверное, целый день я слушаю, как Бен шаркает по комнате. Бормочет про себя. Плачет. Вертится. Храпит. А я в сознании и слышу каждый шорох. Откроют через сотни лет капсулу и обнаружат лепечущую девчонку с зелёными слюнями, капающими изо рта.

Если я всё время в сознании, значит, моё тело продолжает стареть? Или я совершенно потеряю рассудок и не вспомню, кто мои родители?

Меня преследуют слова главной дежурной: единогодушие, создадим новую историю. Я точно знаю, где их слышала и как они напугали родителей. Но больше всего меня напугали слова отца:

«Страшно не то, чего они хотят, а то, как они хотят этого добиться».

И некоторые из них попали на корабль.

Наверное, Бену пора было спать, но я услышала отчётливый перезвон открываемого либрекса.

«Выберите, пожалуйста, голоскрипт».

– Наверное, нужно начать с самого начала, – мягко говорит Бен. – С первой записанной истории. Сказание о Гильгамеше.

Ножки его стула царапают пол.

– Некоторые спорят о ценности старинного шумерского

эпоса, но я считаю, что все истории важны по-своему. Читателям и слушателям решать, какие истории для них ценны, а какие нет.

Я удивляюсь, почему Бен находится здесь. Мы просто лежим в капсулах. Если его рабочий день закончился, почему он не общается с другими дежурными? Но мне кажется, что причина гораздо глубже. По-моему, он их избегает.

Я пытаюсь понять чувства Бена. У меня пока есть и родители и Хавьер.

А если бы Хавьер оказался на другом корабле? И тут я даю клятву: вот прилетим на Саган, и я никому не позволю нас разлучить.

Бен читает вслух историю о великом воине, короле Гильгамеше, сыне богов. Хотя я этого не вижу, знаю, что Бен включил функцию исторической реконструкции, и голоскрипт проигрывает сцены баталий.

В уме я рисую призрачные образы Энкиду, огромного и сильного, как бык, и Гильгамеша, которые врезаются в капсулы, швыряя друг друга по стазисной палате, пока наконец Гильгамеш его не побеждает. Потом они становятся лучшими друзьями и отправляются в путешествие. Моё воображение переносится из капсулы корабля в леса, океаны и пустыни вместе с ними.

– Энкиду, друг мой, я видел третий сон, и он меня весьма встревожил. Небеса грохотали, земля тряслась, потом наступила мёртвая тишина и опустилась тьма. Сверкнула молния,

начался пожар и принёс смерть.

Клянусь, сквозь закрытые веки я видела грозовую молнию. Бен читает вдумчиво, как заправский актёр. Я даже представляю, как он театрально размахивает руками.

Бен продолжает читать о трагическом конце Энкиду и о страданиях Гильгамеша, потерявшего лучшего друга. На последних словах он запинается.

– Глубокая печаль переполняет моё сердце.

Мне так хочется его обнять. Я понимаю. Даже если мои глаза не могут плакать, сердце рыдает вместе с ним.

Бен вздыхает.

– Мне кажется, на этом неплохо сделать перерыв на ночь. Я слышу, как он выключает голоскрипт.

Интересно, почему Бен читает вслух, если в стазисе мы ничего не слышим. Может, ему самому нужно услышать историю, как и мне? Или он боится, и ему нужна поддержка для храбрости. Жаль, что он не читал «Мечтателей».

Мы очень похожи на персонажей любимой книги Хавьера. Напуганные. Полные надежды. Совсем как та женщина с ребёнком из книги. Когда прибудем на Саган, то будем бояться незнакомой планеты, но в то же время любоваться её красотой.

– А ещё... – говорит Бен. – По земному времени сейчас полночь. А значит, наступил твой день рождения, Петра.

Неужели он прав? Если это мой день рождения, значит, прошло два дня. Огненный Змей уже вернулся домой к ма-

тери Земле. Назад мы не повернули, и я понимаю, что это значит. Всё кончено. Если от Земли и остался какой кусок, он необитаем. Мне больше никогда не прильнуть к Лите, не погладить её мягкой руки, не услышать рассказов под писк цыплят на заднем дворе. Никогда не любоваться красными, золотистыми и коричневыми скалами, формировавшимися два миллиарда лет. Лита, горы Сангре-де-Кристо... всё погибло.

Сильнее, чем когда-либо, мне хочется забыться.

– Петра, у меня для тебя подарок. Я не смог добиться одобрения твоего курса, но раз уж ты достаточно взрослая для дополнительной загрузки информации, а эти нигде не учитываются...

Шаги Бена удаляются, он идёт к полке с либрексами.

– Я предоставлю тебе основы мифологии. Греческой, римской, китайской, норвежской, полинезийской, шумерской.

Он останавливается, чтобы перевести дыхание.

– Майя, инков, корейцев, Западной Африки, Северной Африки. И ещё...

Я про себя усмехаюсь. У него гораздо больше историй, чем я просила. Из Бена бы вышел отличный учитель. Если бы только мой дурацкий ког работал нормально.

– Что у нас тут? Классика. Скандинавская мифология Геймана. Это лучший вариант, чем исторический материал – потом будешь меня благодарить. Ну, на самом деле поблагодарить меня ты не сможешь. Но наверняка догадаешься,

чьих рук дело.

Бедняга Бен и не подозревает, что его усилия бесполезны. Если я в полном сознании, то услышу лишь те истории, которые он прочитает вслух. Если он будет читать каждую ночь по одной, я, по крайней мере, прибавлю их к арсеналу историй от Литы.

– Полное собрание сочинений Геймана.

Гудок.

– Дуглас Адамс<sup>14</sup>.

Гудок.

– Ле Гуин<sup>15</sup>, Батлер<sup>16</sup>.

Гудок. Гудок.

– А знаешь? Чего это я выбираю? Ты способна понять и более сложные произведения, к тому же времени у тебя навалом. Воннегут<sup>17</sup>. Эрдрич<sup>18</sup>. Моррисон<sup>19</sup>.

Три гудка. И ещё двадцать гудков.

– Жаль, что я не встречу с тобой в будущем, детка. У тебя наверняка будет собственное мнение обо всём на све-

---

<sup>14</sup> *Дуглас Адамс* – автор знаменитой серии книг «Автостопом по галактике».

<sup>15</sup> *Урсула Ле Гуин* – американская писательница. Одна из самых известных её книг – «Волшебник Земноморья».

<sup>16</sup> *Сэмюэл Батлер* – английский писатель, переводчик и художник. Один из классиков викторианской литературы.

<sup>17</sup> *Курт Воннегут* – американский писатель.

<sup>18</sup> *Луиза Эрдрич* – американская писательница, автор романов и книг для детей.

<sup>19</sup> *Тони Моррисон* – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе.

те, – смеётся он. – С другой стороны, раз меня не будет, я не получу нагоняя от твоих родителей.

Раздаётся ещё гудок.

– Ох, чуть не забыл Стайна. Немного ужасиков не помещает. Ну, пока хватит. С днём рождения, Петра! И... Приступим.

У меня в голове появляется гул. Первое физическое ощущение после того, как от геля онемело всё тело.

Я вздрагиваю: где-то в глубине мозга слышу голос с британским акцентом:

«Сначала не было ничего...»

Он мгновенно впитывается и запоминается. На школу совсем не похоже, там я должна напрягаться, чтобы всё запомнить. Это уже у меня в голове, будто автор, Нил Гейман, внутри и беседует с мозгом.

Бен! Спасибо! Если мне суждено оставаться в сознании миллиард лет, ты обеспечил меня своими любимыми историями. Я, может, чокнусь, когда прибудем на Саган, но всё равно буду лучшей безумной сказочницей в истории человечества.

«...ни земли, ни божественного мира, ни звёзд, ни небес: только туман...» – продолжает Нил Гейман у меня в голове, но как бы в полусне, глубоко в сознании. Гул нарастает.

Жар. У основания черепа. Что бы Бен ни сделал... Меня одолевает сон. Может, ког наконец заработал? Если бы могла, я бы облегчённо вздохнула.

Наконец-то.

Когда очнусь, мы будем уже на Сагане.

## Глава восьмая

Сначала доносится шум: шарканье ног по всей комнате. В голове туман, но я определённо что-то слышу. А раз я очнулась... неужели прилетели?

Хотя кажется, что времени прошло чуть, я жду не дождусь, чтобы обнять родителей. Прижаться к Хавьеру и почитать ему его любимую книгу.

Корабль с тихим гулом летит в космосе.

– Ну, пожалуйста, работай... – слышу я дрожащий шёпот Бена.

Бен? Если он здесь... значит, мы ещё не прилетели на Саган. Воображаемые пути, которые держат на месте моё сердце, лопаются. До нового дома ещё далеко.

Пальцы Бена касаются контрольной панели. Наверное, моей.

– Пожалуйста, работай, – торопливо в панике повторяет он.

Словно кувалдой по металлическому барабану, кто-то колотит в дверь.

– Нет, нет, нет, нет... Погоди!

Голос Бена перескакивает с одного на другое, как в первый день, когда мы познакомились и он узнал, что на корабль брата напали.

– Да, работай же...

Стук в дверь продолжается.

Я едва слышу отчаянные слова Бена.

– Мир без историй погибнет.

Дверь открывается.

– Бен! Тебя предупреждали.

На капсулу падает кусок металла, и в моих ушах стоит звон.

– Старик, прекрати сопротивляться! – ворчит сердитый голос. – Хватайте его за руки!

Старик?

По комнате разносятся звуки ударов и проклятий, потом один сильный стук. Бен стонет. Драка прекращается.

Кто-то вздыхает.

– Его придётся выбросить.

Выбросить?

– Что он делал у этой капсулы?

Гудок контрольной панели пронизывает мне уши.

– А это видели? У Петры Пенья в системе избранные файлы. Книги с Земли, музыка, мифология...

– Удаляйте всё, – приказывает женский голос. – И чтобы ничего из прошлой жизни не осталось. Нельзя испоганить миссию Коллектива из-за одного ребёнка.

– Новая история, – отзывается другой человек.

– Новая история, – повторяет она.

Коллектив. Новая история. Это опять они. Но что они делают?

Неужели всё это происходит на самом деле, и они стирают нам память...

Несмотря на рискованность всего предприятия, ни родители, ни другие пассажиры такого не предполагали.

Если есть возможность насладиться последним воспоминанием, пока не стёрли, нужно выбрать что-то особенное, идеальное.

Мы с Литой в пустыне под звёздным небом. Она набрасывает нам на плечи одеяло и подаёт мне кружку какао.

«Закрой глаза, *changuita*»<sup>20</sup>.

Я закрываю глаза. Запах шоколада наполняет воздух.

«Один глоток», – говорит Лита.

Я помню, что в какао содержится кофеин или ещё что-то. Мама мне его не даёт.

«Расскажи о своём будущем. Объяви миру, кем хочешь стать», – говорит Лита.

Я делаю глоток: не так сладко, как шоколад, маленькие частички зёрен застревают в зубах.

«Кем хочу быть прямо сейчас?» – уточняю я.

«Сейчас. Завтра».

Она гладит меня по щеке.

«Через много лет».

Вот стану взрослой, как мама, всегда буду говорить, что думаю и чувствую. Платья буду носить до пят, как у Литы. Волосы отпущу длинные, пусть растут свободно, как хотят.

---

<sup>20</sup> Девочка (*исп.*).

«Я...»

Я кусаю губу.

«Я буду...»

В голове тихо шумит, и я засыпаю.

«Реактивация капсулы номер двенадцать».

## Глава девятая

В то лето, когда мне исполнилось двенадцать, мы с папой отправились из Санта-Фе в национальный парк Рокхаунд, который полностью оправдывал своё название «Охота за камнями», а по папиным меркам был воплощением рая на Земле.

Папа одевает на меня шлем.

– Да зачем? – поднимаю я брови. – Зачем нам шлемы? Вроде с неба камни не падают.

– Видишь ли, я обещал маме.

– Её здесь нет, – шепчу я.

Он передаёт мне пару кожаных перчаток и шепчет в ответ:

– Я ж пока в своём уме и не собираюсь злить маму-медведицу.

Он улыбается и протягивает мне крем от загара.

Я закатываю глаза.

– Она всего лишь хочет, чтобы мы были живы-здоровы.

Он достаёт спрей от загара и обрабатывает каждый обнажённый участок, будто мама стоит рядом.

Благодаря постоянным усилиям мамы оградить меня от всех опасностей, я чувствую, словно меня поместили в наглухо запаянный целлофановый пакет. А когда я с папой, у пакета будто надрывают уголок.

Берём по молотку и ведёрку. Папа ведёт меня к тенистому

ущелью. Он подходит к крутому склону и наклоняет голову в одну сторону, потом в другую.

– Кажется, здесь.

Он смотрит на меня, и я пожимаю плечами.

– Мм, геология.

Он подмигивает.

– Когда-нибудь ты даже не будешь смотреть на неё, как на науку.

Он поднимает молоток.

– Может, даже... полюбишь.

Я кусаю губы и отворачиваюсь, чтобы скрыть усмешку. Не пройдя и полкилометра от входа в парк, я сажусь на землю рядом с отцом и вытаскиваю бутылку с водой, глотая, будто ходила по горам целый день. Папа постукивает молоточком, исследуя площадку десять на десять сантиметров. Потом останавливается и смахивает пыль пальцем, выдалбливая камень по периметру, пока он не выходит свободно. Он стирает грязь с поверхности камня и, усмехаясь, осматривает его, как драгоценную реликвию.

Я ставлю бутылку с водой и смахиваю рукой в перчатке многолетний шлам.

– А про этот что скажешь?

Я поднимаю белый камень.

Даже сквозь грязь его поверхность необычно сверкает.

– Кварц, – говорит он. – Но не отвлекайся. Мы пришли за яшмой.

Он достаёт из кармана с десяток круглых бусин и выкладывает на земле рядком. И поднимает тёмно-красный камень, который только что выкопал.

– Когда этот отполируют, он хорошо впишется к остальным.

Я рассматриваю смесь бусин.

– Они все разные.

– У каждого куска яшмы свой дух. Камень сам откроет, кто он.

– Но он не похож на другие.

Он достаёт его снова и поднимает к свету. Алый камень прорезает жёлтая жилка. Красный оттенком похож на камень, который он положил в ведёрко.

– Они и не должны быть одинаковыми, камни ведь дополняют друг друга. Различия только красят общую картину.

Грохот шин по немощёной дороге эхом отдаётся в ущелье. Мы оба одновременно оборачиваемся на шум и видим, как по выложенной гравием дороге несётся грузовик.

– Я думала, знак указывает, что проезда нет.

– Так и есть, – щурится папа. – Не так уж многие сюда приходят. Очевидно, собиратели сами устанавливают правила.

Из обеих дверей грузовика выходят мужчины в жёстком новом камуфляже и брюках в тон.

Папа кивает в их сторону, но они слишком заняты, смеются над чем-то, чего нам не слышно.

Они открывают дверцы у заднего сиденья и достают боль-

шие девятнадцатилитровые вёдра. Папа качает головой и, наклонившись ко мне, говорит одним уголком рта:

– Великие охотники за камнями.

Я хихикаю.

Мужчина повыше в старомодной бейсболке идёт прямо к ближайшему склону. Он не вертит головой, подыскивая местечко, где копать. Вместо этого он проводит сканером по поверхности холма, пока не раздаётся сигнал.

– Нашёл!

Он отступает, пропуская второго, приземистого и коренастого, который держит что-то похожее на папину электродрель. Тот нажимает на кнопку, и эта штуковина с жужжанием оживает. Коротышка подходит к указанному сканером месту и дрелью вгрызается в камень.

Через несколько секунд он копается в отходах и кричит:

– Бирюза!

Папа вздыхает.

– Раньше разбивать участки можно было лишь по особому разрешению.

– А теперь?

– Гм, теперь? Никому нет дела до этих скал.

– Если никому нет дела, почему мы сюда шли пешком? Почему не въехали, как они? Не взяли с собой сканер и механическую лопату? Вообще всё, что нужно.

Он удивлённо поднимает брови.

– Потому что мы не такие.

Он обнимает меня одной рукой, притягивая к себе, и черпает полную пригоршню земли. Потом разжимает руку. Земля сыплется сквозь пальцы, падает на траву, часть уносится ветром. На ладони остаётся только крохотный серый камень.

– Нужно чувствовать землю. Ощущать дар, которым она с тобой делится.

Его речь напоминает мне Литу и её мысли о еде.

– Но, папа, они же бирюзу нашли! Она дорого стоит!

– Кто решает, чего стоит камень?

Он даёт мне серый камешек.

– Когда мой проект завершится, то, что мы с тобой нашли, для меня будет ценнее алмаза Хоупа<sup>21</sup>.

– Жаль, что мы не можем остаться подольше и поискать, – вздыхаю я.

– Не беспокойся, Петра. Мы вернёмся.

Папа стучит по макушке моего шлема.

– А найдём бирюзу, сделаем это со всем уважением.

Менее чем через час мужчины грузят вёдра с камнями в грузовик и уезжают. Папа качает головой. Мы продолжаем искать несколько идеальных камней, которые подойдут к папиным, уже собранным.

Когда солнце клонится к горизонту, он находит семь из восьми камней, разрешённых правилами парка.

Со лба на защитные очки падают капли пота, затуманивая стекла.

---

<sup>21</sup> Крупный бриллиант глубокого сапфирово-синего цвета.

Как только я решаю, что с меня хватит, то тут же замечаю в земле крохотный кусочек жёлтого камня. Геологическим молотком я освобождаю края, тяну его вверх и рукой в перчатке смахиваю с него землю. И достаю кусок золоти-сто-жёлтой яшмы с узкой тёмно-красной прожилкой. Гордо показав его папе, кладу в ведёрко к остальным камням. Папа улыбается. Новая яшма выделяется, как маяк, но в то же время прекрасно сочетается с другими камнями.

Папа молча садится на уступ, где мы копали, и хлопает по земле рядом с собой. Я усаживаюсь, и он меня обнимает. Он вздыхает, глядя на закат. Мы грязные и усталые, но это один из лучших дней, которые я запомню надолго.

Начинает моросить, и воздух наполняется запахом сырой земли.

– Папа?

– Да.

– Тук-тук.

– Ладно, спрошу. Кто там?

– Петра.

Он глубоко вздыхает.

– Какая Петра?

Я театрально делаю вдох, втягивая запах дождя в пустыне.

– Петрикор<sup>22</sup> – меня дождик принёс.

Папа падает на землю и смеётся.

---

<sup>22</sup> Запах сырой земли после дождя.

## Глава десятая

Ког постоянно транслирует одно и то же сообщение:

«Я Зетта-один, эксперт по ботанике и геологии. Я служу

Коллективу».

Из ложбинки на шее извлекают ког En Cognito, будто удаляют горящий уголёк.

Мысли едва шевелятся, как бывает, если уснуть среди бела дня и проспать больше, чем нужно. Как долго? Что бы там ни твердили в загружаемой информации о том, кто я такая, это не работает.

Меня зовут Петра Пенья. Мы покинули Землю 28 июля 2061 года. «Коллектив» собирался стереть все программы En Cognito. Бен пытался спасти меня и мою память.

В комнате суетятся люди. Много людей. Спокойствия, как при Бене, совсем не ощущалось.

Что меня ждёт после пробуждения? Бена давно нет в живых. Но я до сих пор помню его последние минуты. Выброс. Новую историю.

«Заканчивается осушение капсулы номер двенадцать», – говорит приглушённый голос.

Если капсулы осушают, мы наверняка прибыли на место.

У ног бурлит жидкость.

О Господи! Погодите. Я не готова.

Разве я не этого хотела? Прилететь на Саган с семьёй?

– Впечатляюще. Разве нет?

– Положите её на стол.

Планировалось совсем не так. Со мной должны быть мама с папой. Неужели это следствие бунта на корабле, случившегося много лет назад? Или что-то ещё ужаснее? Сейчас мне страшнее, чем когда увидела у Литы в курятнике гремучую змею. Голова змеи появляется за одним из петухов. Голова в перьях падает над гнездом.

Чувствую, как меня поднимают. С чавкающим звуком кладут на пористую поверхность.

Шипение гремучей змеи звенит в ушах. Не могу шевельнуться. Даже не вижу, как вошла Литя с мотыгой.

– Положите её на бок. Мы готовы восстановить работы органов.

Я хочу закричать, чтобы они остановились.

«Дефибриллятор подключён. Разряд...»

Я представляю Франкенштейна. Не надо! Не подключайте!

В груди пронзительная боль. Сердце глухо стучит. Я кашляю и задыхаюсь.

«Жизненные функции восстановлены».

В лёгкие поступает воздух.

Всё происходит так стремительно. Горло горит, будто глотнула лимонного сока при ангине, и кислота раздражает слизистую. Хочу, чтобы рядом была мама. Я пытаюсь открыть глаза и найти Хавьера, но не получается.

Пронзительный вой воздуха, как в пылесосе, наполняет уши. Жар пробегает по лицу сверху вниз, словно уколы кактусовых колючек.

Кто-то ахает.

– Что это?

– Болезнь. Земная. Может, её изолировать?

Спокойный звенящий, словно перезвон китайских колокольчиков на ветру, голос говорит:

– Прошу не упоминать это слово в их присутствии.

– Простите, Канцлер.

Я размышляю о Коллективе из новостей. Стереть боль прошлого. Как далеко они зашли? Но учёные и врачи на нашем корабле, как мама и папа, не потерпят ассимиляции. Они будут помнить. Должны.

– Веснушки.

Палец трёт мне переносицу.

– Вредное влияние их солнца на кожу, – говорит Канцлер. – Без защитных фильтров случается такой вид физической аномалии.

По щекам течёт тёплая вода. Потом всасывание. В лицо бьёт прохладный воздух.

Пылесос добирается до моих ушей, и ватная глухота вдруг полностью исчезает. Слабые гудки взрываются рёвом сирен.

Голос робота у меня в голове повторяет слова, но слабее, как отдалённое эхо.

«Я Зетта-один, эксперт по ботанике и геологии. Я служу

Коллективу».

Сколько лет эта запись крутится у меня в голове? Я повторяю правду. Меня зовут Петра Пенья. Мы покинули Землю 28 июля 2061 года.

Если это сообщение было записано на мой ког, и я всё равно помню, кто я... может, то, что делал Бен, сработало. Может, и истории, которые он записал, где-то остались.

– Дефибрилляция Зетты-два. Разряд, – говорит кто-то у капсулы рядом с моей.

– Положите Зетту-два на бок. – Голос Канцлера так близко. – Скажите, кто вы.

Кто-то кашляет.

– Я Зетта-два... – говорит Сума и снова кашляет.

– Какая у вас роль, Зетта-два?

– Я эксперт... Я... – Она пытается говорить. – Мне... мне холодно. – запинается Сума.

– Программа не сработала? – спрашивает мужчина.

Сквозь мои закрытые веки проникает свет. Я медленно делаю вдох. Мне нельзя привлекать внимание. Но я заставляю себя открыть глаза. Они горят, словно я случайно потёрла их пальцами, которыми чистила от семян перец хабанеро. Яркий свет режет глаза, и слёзы сами текут по щекам. Вижу всё, как в тумане: пять человек окружили Суму. Они стоят ко мне спиной с головы до ног в защитных костюмах. Я смотрю в сторону окна, надеясь увидеть небо или звёзды, но окно заварено листом металла. Комната, в которой было три

ряда капсул, выстроенных, как картонная упаковка с яйцами, почти пуста. Я быстро ищу Хавьера. В комнате толкуются неясные фигуры по крайней мере восьми человек, маленьких среди них нет.

Люди в перчатках поднимают Суму. Её тело шлёпается на стол между нашими капсулами. Гель капает на пол. Сума лениво открывает глаза и вздрагивает.

– Мама? – говорит она дрожащим голосом. – Бен?

– Полное разочарование, – ледяным голосом говорит Канцлер и бросает ког Сумы в чашку. Ког звякает.

– От этой избавляемся, Канцлер?

Я не знаю, как помочь Суме. Людей слишком много. Их не побороть. Неожиданно желудок напоминает о себе. Что-то подкатывает к горлу. Только не тошнота. Только не это!

Канцлер держит новенький блестящий чёрный шарик.

– В этом нет нужды. Положите её назад, в капсулу. С новой усовершенствованной загрузкой...

Она наклоняется к экрану.

– ...Сума Агарваль будет Зеттой-два всю оставшуюся жизнь.

Суму поднимают и возвращают в капсулу. Она вяло извивается у них в руках, словно умирающая рыба.

Канцлер наклоняется над ней, неподвижно зависая, как палочник.

– Жаль. Перепрограммирование отнимает драгоценное время. Можно было бы использовать её способности в пер-

вом задании.

Она кладёт усовершенствованный ког в инсталлятор и нажимает кнопку активации. Потом ведёт мерцающий ког до ямки на шее Сумы и поворачивается к остальным.

– На этот раз от прежней жизни не должно остаться ничего.

Наши родители их в порошок сотрут... надеюсь. Я едва вижу слабое свечение шарика, он словно тает у Сумы в позвоночнике. Она морщится, всхлипывает и затихает. Не говоря ни слова, капсулу заливают гелем. Сума погружается в него.

У меня так сильно колотится сердце, что его наверняка слышат все.

Один из них поворачивается, и я закрываю глаза. Я не дам им себя перезагрузить! Какие там были строки? Я Зетта-один...

Меня снова поливают водой: грудь, живот, ноги. Тело поднимают и кладут на более мягкую поверхность. Заворачивают в одеяло.

– Сканирование мозга.

В черепе появляется жужжание, тихие гудки перемещаются с одной стороны головы на другую.

Боюсь открыть глаза. Что же так сильно напугало Суму? Что может быть таким страшным? Они просто люди.

– Капсула двенадцать, детский сектор. Расскажите о своей роли, – говорит Канцлер так близко, что я чувствую её

дыхание, сладкий запах гиацинта.

Я бы не ответила, даже если бы очень хотелось. Я дышать не могу, не то что разговаривать. Надо что-то делать, чтобы не подумали, что я «сплошное разочарование», как Сума. Канцлер кладёт руку мне на щёку.

– Зетта-один, откройте глаза.

Я открываю глаза и едва сдерживаюсь, чтобы не ахнуть.

Под прозрачной кожей Канцлера вьются кровеносные сосуды и сухожилия, похожие на взлётные полосы. Он гладит бледными болезненными руками мой лоб. Только не реагировать.

Я сглатываю. Существо передо мной мало похоже на человека. Больше на креветку-призрак, какую я однажды видела в аквариуме Альбукерке.

Как и креветка, она и прекрасна и ужасна одновременно, под бледной кожей мерцают красным и голубым вены. Тёмные скулы слишком высоко находятся на лице, бросая тень на линию челюсти, синюшные губы слишком полные. У неё такие светлые глаза, что за радужкой проступает паутина капилляров. Она улыбается.

Тёплая вода капает мне на лоб и в рот. Я смотрю в сторону, где должна стоять капсула Хавьера. Её нет, как и многих остальных.

Слова отца хлещут меня, словно он сейчас здесь.

«В их целях ничего страшного нет, а вот в том, как они собираются их достичь, – да».

Сума плавает у двери в мерцающем зелёном геле. Как до этого дошло?

Что бы ни представлял из себя Коллектив, придётся довольно долго убеждать их, что я соответствую их стандартам. «Зетта-один, эксперт по ботанике и геологии. Служу Коллективу».

Всё будет хорошо, только бы найти родителей и Хавьера. И кто бы ни были эти люди, они не заставят меня забыть.

Меня зовут Петра Пенья. Мы покинули Землю 28 июля 2061 года. Сейчас 2441-й, мы прибыли на Саган.

Я разыщу свою семью во что бы то ни стало.

## Глава одиннадцатая

Мама распутывает последний узел моих волос.

– Ты назвала меня греческим словом, которое означает «камень», – говорю я.

Мама смеётся.

– Вообще-то, имя предложил папа. Но я подумала, что звучит красиво. – Вижу в зеркале, как она качает головой и улыбается.

– Он не говорил, что оно значит, пока я не согласилась.

– Камень, – повторяю я. – Моё имя означает «старый грязный камень».

– У тебя красивое имя, Петра. Как ты сама.

Из маминой косы до талии выбиваются пряди. Её зелёные глаза под лучами солнца приобретают синеватый оттенок с золотистыми искорками. На носу веснушки. Мне никогда не стать такой симпатичной, как она, но, судя по её взгляду, она думает иначе.

– И это имя тебе очень идёт. Ты сильная.

Я поднимаю голову и вижу, что её глаза полны слёз.

– Однажды ты начнёшь по-настоящему великое дело.

Я закатываю глаза.

«Ты не разрешаешь мне заниматься тем, что мне нравится». Я даже не пытаюсь озвучивать то, что всегда остаётся за кадром. Своё мнение.

Но как тут можно что-нибудь основать, если она не даёт даже попробовать. Или всегда подталкивает меня к ботанике, вместо того что я по-настоящему люблю? Я бы могла стать сказочницей.

Теперь всё портят нейросети. Я сразу вижу: человеком написана книга или бездушной программой. А я лишь хочу, чтобы истории были жизненными.

Я складываю руки на груди.

Мама заплетает мне косу и закрепляет резинкой.

– Тебе не обязательно любить меня всё время, Петра.

Она встаёт и целует меня в лоб.

– Я стараюсь тебя уберечь, устроить для тебя самую счастливую жизнь.

## Глава двенадцатая

Слышится тихий женский голос:

– Расскажите о вашей роли.

Я отхаркиваю зелёную слизь. Понимаю, что сейчас себя выдам.

– Я... я Зетта-один, – говорю я скрипучим голосом. – Эксперт по ботанике и геологии. Служу и подчиняюсь Коллективу.

О Господи! Перебрала строку. Не подчиняюсь. Просто служу.

Канцлер хмурит лоб, и под её прозрачной кожей дёргается бледная вена.

– Брик, поднимите её, – приказывает Канцлер.

Мужчина по имени Брик поднимает меня за подмышки и сажает. Берёт холодной рукой за подбородок и вертит голову из стороны в сторону.

– Восхитительно, – говорит он.

Как и у дамы, над левой бровью у него проходит ярко-голубая вена, словно он нанёс тени для глаз не там, где надо. И точно так же, как и у женщины, нижняя часть лица в тени из-за высоких скул. У него тоже полные губы, не от макияжа или накачивания, как делали дома, на Земле, модницы. Череп покрывают похожие косички. Я смотрю на женщину рядом с ним, у которой точно такие же черты лица.

Что же произошло с ними за последние триста восемьдесят лет?

Я вспоминаю уроки биологии и учительницу мисс Кантор, которая рассказывала нам о перечных бабочках в Англии, об их новом камуфляжном цвете под сажу, скрывающем их от птиц. Они так быстро эволюционировали. Но те бабочки были хотя бы красивы.

Здесь же ничего подобного. Я вспоминаю высказывание дамы о защитном фильтре для кожи. Уж не проделали ли они над собой опыты? Просто так, чтобы не отличаться друг от друга.

Я сглатываю, морщась, слюна похожа на горячие угли. Брик подносит к моим губам небольшую чашку. Не зная, что делать, я отхлёбываю, но не глотаю, а держу жидкость за щекой. Проходят секунды, и боль исчезает. Я глотаю остатки и вздрагиваю: по телу волной прокатывается тепло. Немного напоминает какао Литы, только гораздо крепче.

Я понятия не имею, как должны себя вести люди со стёртой памятью: говорить, ходить, поэтому сижу тихонько, держа руки по швам.

Через две капсулы от меня кашляет маленькая девочка и отхаркивает густую слизь.

– Хорошо. Выплюнь всё до конца.

Мужчина легонько стучит ей по спине.

– Скажи, как тебя зовут.

Девочка отвечает тоненьким голоском:

– Я Зетта-четыре, эксперт по нанотехнологиям и хирургии. Я служу Коллективу.

Она даже не морщится, когда мужчина смотрит ей в глаза и близко подносит свой прозрачный нос к её лицу.

Зетта-четыре с Хавьером, наверное, одногодки. Она сидит неподвижно, а мужчина сгибает её кисти вверх и вниз.

– У неё такие маленькие пальчики, просто идеальные.

Брик поворачивается ко мне и берёт за ручку корпоскоп. Он подключает его, как всегда делал педиатр, и прибор сверкает розовым светом.

Брик наклоняется, начиная осмотр с ног, потом ведёт прибором по коже вверх, время от времени отстраняясь на длину вытянутой руки и глядя на экран. Когда он проводит им выше пупка, мне хочется стукнуть его по руке, но я понимаю, что надо закрыть рот на замок и играть свою роль.

Брик подносит конец прибора к губам, нажимает на кнопку и говорит в него так же, как в микрофон.

– Пульс в пределах нормы.

Он ведёт руку снизу вверх.

О Господи! Глаза...

Рука пока низко, и я не вижу прибора, но чувствую, как он ползёт по шее, подбородку, около губ...

Дойдя до переносицы, корпоскоп гудит и мигает ярко-розовым. Всё кончено. Брик наклоняется, вглядывается. Он так близко, и свет в комнате такой яркий, что даже я вижу крохотные кровеносные сосуды, паутиной покрывающие

бледную радужную оболочку.

– Канцлер? Мне кажется, вам будет интересно, – сообщает он.

Я застываю на месте, не в силах шевельнуться. У меня перехватывает дыхание. Кажется, я понимаю, что такое шок.

Канцлер смотрит на экран.

– Гм, изъян.

Она нажимает на кнопку.

«Глазная болезнь. Диагноз: retinitis pigmentosa», – суровым тоном сообщает корпоскоп.

– Её глаза ничем не отличаются от остальных, – говорит Брик.

Канцлер вздыхает:

– Многие физические недостатки не видны невооружённым глазом.

Я стискиваю зубы. Родители, конечно, пытались меня защитить, но я же не инвалид.

Брик снова сканирует мои глаза и качает головой.

Просто не верится, что я преодолела столько трудностей и пережила много веков, чтобы вот так закончить путь. Но мы знали правила, и всё-таки принесли в новый мир болезнь. Родители поклялись, что я здорова, и подписали подложную медицинскую справку. Дежурные избавились от Бена за менее тяжкие грехи. Я размеренно дышу и сажусь на трясущиеся руки.

Но с головой у меня всё в порядке. Если от меня решат

избавиться, перед уходом я выскажу им своё мнение. Я тут же разжимаю зубы и открываю рот, чтобы сказать всё, что думаю...

Канцлер поворачивается к Брику.

– Не имеет значения. Её глаза нас не интересуют. Нам нужен мозг.

Я поворачиваюсь к ней.

– И всё же в физическом плане они своеобразны, – с сарказмом говорит Брик.

Кто бы говорил!

– Коллектив приложил огромные усилия, чтобы исключить подобное. Так ведь, Брик?

Брик съёживается.

– Да, Канцлер.

– Поэтому у нас полное единодушие, – шепчет она ему на ухо.

Он едва заметно кивает.

– Мне кажется, мы проделали достаточно большую работу, чтобы примириться с небольшой физической вариацией. – Она поворачивается ко мне и смотрит в глаза. – Они слишком древние, не нужно обращать внимание на внешность. Благодаря нам и программированию, их мозг представляет ценность. Именно это нам интересно.

– Конечно, – соглашается Брик и откладывает корпоскоп.

Я не отрываю глаз от Канцлера. Может, они не такие уж и плохие? В сущности, это не они выбросили Бена. А преды-

дущее поколение. Этот Коллектив не гонит меня прочь из-за больных глаз, как люди на Земле. В конце концов, прошло почти четыреста лет. Может, они изменились.

Всё же Сума плавает в капсуле рядом со мной, её мозг стёрт снова. Как сказал папа, важно, как далеко они зайдут.

Сейчас мне всё равно, почему они хотят, чтобы мы всё забыли. Нужно придерживаться роли, пока не найду родителей и брата.

Брик накрывает меня тяжёлым одеялом. Одеяло набухает, и из него льётся тёплая вода, смывая липкий гель. Гель смыли, и из одеяла на очищенную кожу дует тёплый воздух, приглушая шум в комнате.

Как учили, я не спеша, не упуская ни единой мелочи, осматриваю комнату. Здесь должно быть восемнадцать капсул. Осталось только четыре, включая мою, маленькой девочки Зетта-четыре, капсулу с Сумой и ещё одну. Сума, или Зетта-два, опять в стазисе в углу. Итак, последним поднимают Зетта-три и сажают на стол. Как только он выпрямляется, я вижу, что он слишком худой и высокий для Хавьера.

– Зетта-три, откройте глаза.

Я сравниваю свою конопатую коричневую кожу и его. Его кожа почти сияет под веснушками. Я отказываюсь принимать, что всех зовут «Зетта». И решаю придумать для нас свои собственные имена. Под шапочкой обнаруживается рыжеватый блондин. Рыжий. Вот и имя.

Канцлер толкает зонд по языку Рыжего и осматривает гор-

ло.

– Удаляйте.

– Зетта-три, откройте рот, – говорит Брик.

Рыжий выполняет приказ. Я судорожно дышу, а ассистент в перчатках и маске подходит к мальчику. За жужжанием вращающегося лазера следует запах палёного. Очень похоже на дым от жареных колбасок чоризо и яиц на пикнике в выходные, куда мы ездили семьей ещё до того, как узнали о комете.

Инструмент Брика смолкает. В стакан с жидкостью падают два опалённых розовых нароста.

У меня сжимается горло.

Брик поднимает их, как диковинку, потом опускает на поднос к нашим анализам крови. Слава богу, мои железы давно удалили. А у Хавьера нет. Но я не дам этим людям его мучить, даже если они перепрограммируют меня, как Суму.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.